

Луи-Алексис
БЕРТРЕН
(Луи де Судак)

Сочинения
ПО
ИСТОРИИ КРЫМА

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе этих <i>Сочинений</i>	3
Императорские резиденции в Крыму	4
Морской порт Феодосия	14
Путешествие по мертвым городам Крыма	19
Графиня де Ламотт-Валуа. Её смерть в Крыму	36

Текст печатается по изданиям:

Louis de Soudak «Les residences imperiales en Crimée». Tour du monde 1895. Paris. Hachette.

Louis de Soudak «Theodosia, port de mer». Tour du monde. 1896. №16. Paris. Hachette.

Louis de Soudak «Voyage aux villes mortes de la Crimée». Tour du monde 1895. Paris. Hachette

«La comtesse de Lamotte-Valois. Sa mort en Crimée». Paris. Hachette.

© Ростислав Лихотворик. «Биография Луи Бертрена». 2003

© Подготовка издания и перевод с французского Геннадия Беднарчика. 2003

© «Im Werden Verlag». Оформление. 2003

<http://www.imwerden.de>

info@imwerden.de

Об авторе этих *Сочинений*

Луи Бертрен родился 16 (29) сентября 1852 года в г. Оран (Алжир) в семье инженера Алексиса Бертрена.

Отец в 50-х годах находился на службе в Африке по своей специальности строителя. В 1859-61 г. Алексис работал в Феодосии на строительстве железнодорожной ветки Джанкой-Феодосия, по найму Главного Общества Российских железных дорог.

Основную роль в строительстве играли французские специалисты. Пост Главного директора Бюро Общества занимал Колинъен Гильмен. Инженеры Бертрен, Думанже, Шарпан работали на Феодосийском участке Владиславовка-Феодосия, который возглавлял инженер Трон.

В 1860 году работы по строительству дороги были остановлены из-за различных финансовых злоупотреблений администрации. Общество задолжало правительству 89 млн. рублей, и обанкротившийся Алексис Бертрен с семьей

возвратился во Францию. Юный Луи в это время поступает на учебу в муниципальную коллегию и оканчивает ее по курсу философии и литературы. Луи Бертрен в 1887 году приезжает в Одессу и в богатых семьях дает частные уроки французского языка. Незадолго до этого его отец Алексис возвратился в Феодосию и сочетался браком с дочерью Керченского градоначальника А. З. Херхеулидзе. В 90-х годах Луи приезжает в Феодосию и до смерти отца (1892) живет в имении княгини Херхеулидзе в «Новом Свете» близ Судака.

Здесь он пишет свои первые публицистические и краеведческие очерки под псевдонимом Луи де Судак.

Вскоре Луи Бертрен занимает видное место не только в общественной, но и в административной деятельности в качестве французского, затем турецкого и испанского вице-консула. Ввиду открытия военных действий между Францией и Турцией он отказывается от звания турецкого консула и исполняет обязанности консула нейтральной Испании.

В Феодосии Луи Бертрен продолжает заниматься литературной деятельностью, исследует дело нашумевшего процесса «Ожерелье королевы», связанного с именем графини де Ламотт-Валуа. Публикует очерки «Графиня де Ламотт-Валуа, ее смерть в Крыму» (1895) и «Героиня процесса “Ожерелье королевы”».

В 1892 и 1903 годах издательство Кальман Леви в Париже издает книгу Бертрена «Путешествие по Крыму». Публикуются статьи: «Императорские резиденции в Крыму» (1895), «Путешествие по мертвым городам Крыма» (1893), «Морской порт Феодосия» (1896). Издаются его романы: «Эммануил де Габле» (1897), «Сын Тартарена в России» (1905), «О знании в религии» (1911). За общественные и литературные заслуги Луи Бертрен (Луи де Судак) был награжден французским орденом «Офицер Академии», турецким «Меджидли» и русским орденом Станислава третьей степени. Умер Луи Бертрен в сентябре 1918 года и погребен на Русском Христианском кладбище в Феодосии. На полированной глади белого мрамора высечено на французском языке: Louis Bertren de Soudak 1852-1918.

Ростислав Лихотворик

Ялта. На рейде. Гравюра с фотографии автора

Императорские резиденции в Крыму*

Ялта и Ливадия

Ялта. 18 октября. В бухте. — Непрекращающаяся трель свистка, усиленная эхом гор, внезапно будит меня. Постепенно винт корабля замедляет свое вращение. Он едва испарывает водную бездну ленивыми, конвульсивными, как бы агонизирующими толчками.

Пока я одеваюсь, корабельные склянки бьют 7 часов. Я оказываюсь на палубе, вблизи Ялты, посередине бухты, спокойные голубые воды которой сонно плещутся под тенью окружающих ее горных хребтов. По правде говоря, вид с моря Ялты-Ливадии, по-моему, вполне соответствует ее названию «русская Ницца» и объясняет причину такой репутации с позиции естественно неизгладимого впечатления, производимого этим очаровательным пейзажем на жителя Севера.

Маленький городок, грациозно расположившийся на берегу моря, занимает часть низких холмов, служащих основанием широкому амфитеатру гор, крайние вершины которых взмывают в небо на высоту 1500 метров. Над длинной набережной, тянущейся вдоль моря, высится похожая на восточный дворец большая гостиница с ее многочисленными окнами ста тридцати номеров, с ее длинными открытыми галереями, колоннадой перистилия, с ее зеленым поясом деревьев и кустарников. Кругом на капризно холмистых склонах среди деревьев и цветов как бы случайно разбросаны более или менее претенциозные виллы; террасы с балюстрадами; плоские и покатые крыши, крыши с пологом; башенки, донжоны, голубятни; корзинчатые трубы, трубы с флюгером, с колпаком. Все это вместе: красное, зеленое, белое, розовое, голубое живописно просматривается сквозь густую листву, напоминающую Багдадские сады, так часто воспеваемые татарскими поэтами.

*Путешествие совершено в 1894 году.

Девушка из деревни Дереккой

Яйла (крымские Альпы), нависшая над городом, ощетинившись крутыми скатами, ревниво держит в оправе своих когтей эту жемчужину Юга.

Ялта. Общий вид

Справа горы плавно и гармонично спускаются кругами к мысу Никита, проходя через Массандру, известный царский виноградник; слева, они спускаются по направлению к маяку Ай-Тодор, проходя через Ливадию, посетить которую я и собираюсь. С тяжелым сердцем, в душевном волнении думаю я о страшном горе*, угрожающем отнять у России героически преданного ей отца, одного из самых верных друзей Франции.

Прекрасное октябрьское солнце пока еще не поднялось очень высоко; оно освещает бледное небо, и его теплые лучи омывают своими хрустальными потоками все, что стоит на их пути: горизонт со стороны Азии, огромные серые скалы в вышине, городок в его осеннем убранстве.

Летом вода в бухте еще более голубая, более чистая, более прозрачная. Лодки, стоящие в бухте, настолько четко отражаются в воде своими контурами и цветовой гаммой, что кажутся навсегда спаянными килем со своими зеркально опрокинутыми сестрами близнецами.

Мы осторожно причаливаем к маленькой пристани. Почти все путешественники уже на ногах. На другом конце корабля у основания бушприта в ожидании столпились пассажиры третьего класса. Среди них есть анатолийские турки с наполовину свернутой косынкой,

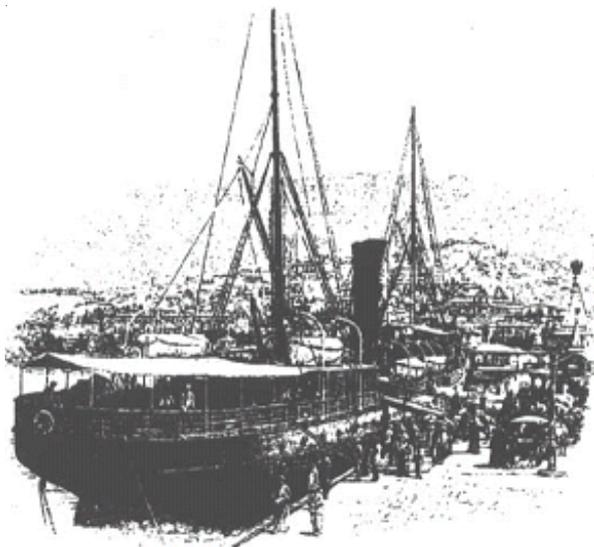
* Тяжелая болезнь императора Александра III.

повязанной на феске, с плечами Геркулеса, с длинными свисающими усами и с затаенной под мохнатыми бровями дикостью баши-бузуков; несколько татар торговцев, неприметных в своих странно европеизированных костюмах; двое или трое монахов-пилигримов, ни мужчин, ни женщин, судя по длинным космам, выглядывающим из-под конических головных уборов, судя по их неряшливому покачиванию бедер, по их большим голубым затуманенным глазам и широким ленивым бархатистым ладоням; несколько черкесов, красивых, как демон Тамары, гибких, как баядеры; затем евреи, много евреев, грустных, оборванных, жалко смотрящихся в своих широких плащах, лоснящихся от жира. Для этих несчастных странников путь в Ялту закрыт. Они следуют в Одессу, в Польшу, в Америку, все дальше и дальше!

Наконец мы пришвартовались. Спущен трап. Сразу же к трапу устремляются жаждущие сойти на берег. Некоторое время мы наблюдаем пеструю толпу, где смешиваются в оглушительном шуме самые резкие диалекты Востока. Мальчик-татарин предлагает мне за несколько копеек огромный букет с прекрасной магнолией посередине. Я не отказываюсь. И вот ваш покорный слуга вступает в Ялту с букетом цветов.

По дороге я замечаю специальный императорский причал, расположенный посередине мола: элегантный павильон с двухглавым орлом на крыше.

Есть только один способ провести день в Ялте и не соскучиться. Способ несколько дорогой, но, увы, единственный: в среднем за сотню тысяч рублей совершить покупку комфортабельной виллы с видом на море, с садом из роз, хорошо укрытую в тени тополей и смоковниц. Иначе уже на закате этого первого дня иностранцу, вынужденному довольствоваться относительным комфортом гостиничного номера и строгими городскими развлечениями, захочется пропеть песню изгнанника и поискать что-то новое.

Ялта. Причал

В 1861 году Ялта была лишь рыбацкой деревушкой, и, когда императорская семья построила в четырех верстах отсюда одну из своих летних резиденций, рыбацкая деревушка превратилась в некий гибрид: еще не город, но уже и не деревня. Проходя по улицам этого претенциозного места, прекрасно смотрящегося с моря, ощущаешь некую разочарованность, как будто во время антракта на спектакле, блуждая по лабиринту странно скроенных кулис, ты тщетно пытаешься обнаружить прекрасную иллюзию зала. И действительно самая приличная улица городка, Набережная, выглядит очень посредственно. Она тянется вдоль Ялты, нависая над пляжами, и на всем ее протяжении встречаются лишь однотипно вульгарные магазинчики; иногда промелькнут ворота виллы или городского сада.

Летом, часам к четырем дня эта улица оживляется. На шоссе появляются многочисленные экипажи напрокат; группы всадников отправляются в окрестности города. Хочется отметить, что чаще всего на очень красивых лошадях восседают в общем-то неопытные всадники.

Впрочем, иногда в сопровождении расшитого золотом татарина проплывает умело стилизованная амазонка. Здесь закручивается какой-то роман...

А вдоль тротуаров, в тени низкорослых акаций, снуют несчастные больные, которые, непонятно почему, приходят сюда подышать воздухом, пропитанным уличной пылью, и купаются рядом на пляже, острые камни которого больно впиваются в тело.

По углам улиц у деревьев расположились продавцы цветов и фруктов; итальянцы, предлагающие ракушки и кораллы за цену, от которой последние краснеют на глазах; перекупщики лошадей красавцы-татары с изящными навощенными усами, с удлиненными ласкающими глазами, с каракулевой шапкой, лихо сидящей на густой черной шевелюре.

Татарские скупщики лошадей

Эти элегантные перекупщики лошадей пользуются у некоторых дам надлежащим образом приобретенной репутацией неотразимых обольстителей. Факт заключается в том, что эти люди хорошо потрошат Тартарена с Севера. Впрочем, по правде говоря, я должен признать, что они более привлекательны, чем их коллеги из Парижа.

Этим октябрьским светлым вечером Набережная кажется мне все-таки более сносной, чем обычно. Сейчас здесь встречается меньше разочарованных больных, меньше неизлечимых бездельников. Почти все эти озабоченные, суетливые, грустные прохожие находятся в Ялте из-за присутствия императорского Двора, из-за болезни императора. И даже в этой осенней улыбке природы ощущается некий траур, более связанный с болезненным опасением, гнетущем сердца, чем с желтыми листьями, скапливающимися у стен домов, с деревьями, теряющими листву, с бледностью неба.

Чтобы выйти из города, я углубляюсь в поперечную улицу и после четверти часа ходьбы по склонам почти опустевших холмов, откуда открывается вид на Ялту и ее извечно прекрасную бухту, оказываюсь над татарской деревенькой Дереккой.

Милая деревенька с глинобитными или покрытыми розовой черепицей крышами, низкими галереями и открытыми лестницами домов, беспорядочно расположенных в зелени деревьев, на случайных улочках и тропинках.

На востоке, в другой стороне долины, созданной потоком Гувы, сквозь сады, виноградники и плантации табака карабкается ввысь почтовая дорога, огибающая все крымское побережье от Севастополя до Феодосии на самом близком расстоянии от моря.

Чтобы вернуться в свою гостиницу «Центральная», расположенную на другом конце города, я вновь прохожу по неминуемой Набережной! Некоторые витрины магазинов уже освещены. На витрине книжного магазина читаю на обложке большими буквами: Zola «*Lourdes*». Вот частичка Франции, совсем маленькая частичка, но как она приятна сердцу вдали от этой страны!

Вечером, ведя свои записи, я прихожу к выводу о том, что мои многочисленные визиты в Ялту лишь подтверждают мнение, составленное мной с самого начала: в этом городе приемлемо все то лучшее, что в нем есть.

Вид с дороги, ведущей в Ливадию

Ливадия, ее история. — До сегодняшнего дня существует предположение о том, что название Ливадия происходит от греческого «ливацион» — влажный луг. Считается, что название этому месту из-за его влажности было дано греками, первыми обитателями этой местности.

Я не считаю это мнение достаточно обоснованным, тем более, что путешественники начинают упоминать это название лишь где-то с 1820 года. Я более поверю в то, что имя Ливадия было дано генералом крымских арнеут Ревелиотти, основавшим данное поместье. Как истинный грек-патриот он захотел увековечить память о другой Ливадии, городе древней Эллады, возле которого находилась пещера Трофониуса и река, несущая воды Забвения и Памяти: Лету и Мнемозину.

Как бы то ни было, вот что писал в 1834 году один из тех путешественников, кто впервые упоминает о Ливадии: «Поднявшись в гору где-то на две версты, мы оказываемся у деревенского домика, окруженного примыкающим к дороге цветником... Если господин Ревелиотти реализует свои планы, то через несколько лет эта усадьба, с которой открываются прекрасные виды, станет одним из самых прекрасных и доходных мест побережья...»**

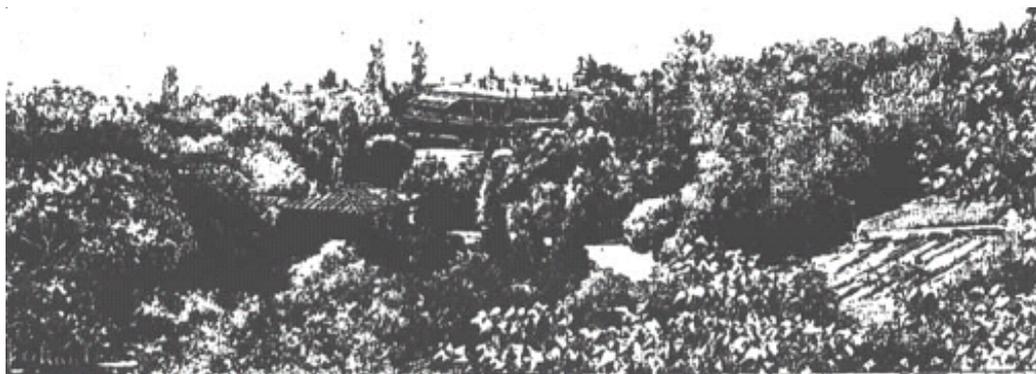
Предсказание полностью сбылось, и Ливадия сегодня — это, безусловно, одна из красивейших жемчужин Ялты, ее каменной диадемы, несравненным сокровищем которой, впрочем, навсегда останется Алупка.*** Поместье было куплено у генерала Ревелиотти графом

* Арнеуты — греческая милиция на службе у Екатерины II в 1779 году во время покорения Крыма.

** Путеводитель для путешествующего по Крыму. Монтандон Г. стр. 152

*** Единственный истинный дворец Крыма, расположенный в 7 км. от Ливадии. Эта идеальная резиденция принадлежит потомкам князя Воронцова.

Потоцким, наследники которого перепродали его императорскому удельному ведомству, и, некоторое время спустя, Александр II своим указом подарил имение Марии Александровне.

Ливадия: дворец Александра II

Ливадия расположена в четырех верстах от Ялты. Пересекаемое почтовой дорогой, идущей вдоль побережья до Севастополя, это имение простирается от первых склонов Яйлы до самого моря. Его площадь составляет 316 гектар, не считая лесных территорий. Сегодня эта площадь делится на три части: собственно изначальная Ливадия с парком и резиденциями, Жакмар или Бийюк-Чаир, включающий в себя ферму и птичий двор, Маравели, полностью лесная часть. Пройдя ворота, я быстро пересекаю обширные, почти пустынные территории, посреди которых то тут, то там высятся массивные безликие постройки: казарма, дровяной склад, пожарные помпы, две или три будки с поперечными черными полосами; уж очень мрачные будки, уж очень мрачны эти часовые, прогуливающиеся ленивым шагом с небрежно покачивающейся в руках винтовкой. Далее — конюшни, стены которых украшены круглыми каменными медальонами с рельефными изображениями лошадиных голов, немного зелени. Еще дальше — листва парка и леса: там в вышине — вершины Яйлы, кажущиеся стальными на солнце, а внизу — море, также отливающее металлом.

Я останавливаюсь у фонтана из грубоватого камня недалеко от канцелярии управляющего имением. После некоторых строгих формальностей я проникаю в парк в сопровождении, как здесь принято, жандарма, следующего за мной вплоть до самого выхода. Прежде всего надо отметить, что это очень красивый, умело разбитый и тщательно ухоженный парк. В нем нет ничего пышного или неожиданного, но, проходя по этому парку, быстро попадаешь под очарование этих так живописно очерченных гор, этого моря, навсегда развесившего между деревьев и в глубине аллей длинные сверкающие занавески из муаровой ткани. Этот широкий каменный полог, расстилающийся к северу большими мятыми складками, прочерченными ветрами и зимними потоками, это гигантское голубое зеркало, ограниченное лишь таким же гигантским горизонтом, — вот, что придает этому парку то, чего никогда не будет ни у Версаля, ни у Рамбуйе: преимущество особо освещенной очаровательной картины.

Кажется, этот парк был разбит неким Ташером, родственником Жозефины де Богарнэ, поступившим на службу к графу Потоцкому после окончания своей учебы на садовода в Швейцарии. Как бы то ни было, мне уже несколько раз выпадала возможность пройтись по этим тщательно посыпанным песком аллеям, пересекающимися в тени самых разнообразных видов деревьев: восточных платанов, олив, кедров, молодых вязов, кипарисов, смоковниц, пробковых дубов и тысяч других.

Эти прогулки случались летом, когда все листья были зелеными, все клумбы цветущими, все лужайки были покрыты двойным шелковистым покровом, все растительные мозаики словно расцвечены кистью художника; но сегодня, хоть и с опозданием, осень уже обесцветила блеск листвы, розы очень сильно поредели, на лужайках появились медные пятна, а на мозаиках выступила бледность старых фресок.

Меня охватывает бесконечная тоска, состоящая из сожалений и смутных опасений, сердечной привязанности и болезненного чувства беспомощности при мысли о том, что могущественный аристократ, сражающийся с беспощадным недугом, находится здесь рядом, под этой крышей, виднеющейся отсюда. Отец славян, «добрый великан», наш прославленный друг, вероятно, не один раз проходил по этим дорожкам из гравия, обдумывая мирные проекты, в которых его постоянные симпатии к Франции занимали, безусловно, не последнее место.

В это время я прохожу мимо прекрасного цветника из хризантем. Они мне кажутся мрачными, эти красивые, поздно распускающиеся цветы. Для чего предназначены они? Украсят ли праздничный стол или лягут в гроб?..

Сейчас я вышел на дорогу, ведущую к морю. На мгновение я попадаю в тень беседки, увенчанной кокетливой ротондой в мавританском стиле.

Турецкая беседка

Недалеко отсюда расположен пляж: я слышу шум волн и замечаю сквозь деревья две белые чайки, сразу же исчезнувшие по направлению к морю. И действительно, вскоре открывается горизонт, и я уже стою на гальке близ татарского домика у бассейна и купальни. С тоской замечаю, как погода меняется: море начинает злиться: оно хмурится маленькими, уродливыми, нерегулярными волнами, которые катятся к горизонту, как лебединый пух. Позади меня медленно поднимается грязный холодный туман, разрывающийся у хребтов Яйлы.

Я вновь возвращаюсь к дворцу, с удовольствием задерживаясь у очаровательной арки из вьющихся роз. Затем я замечаю несколько красивых фонтанов, в частности, фонтанов в мавританском стиле: фонтан Марии, фонтан Ксимфы, фонтан Венеры. Вода в последнем вытекает из урны, которую держит в своих руках статуя, изображающая Гименея, лежащего в саркофаге, на котором виден барельеф, украшенный арабесками.

По дороге я захожу в часовню, построенную из инкерманского камня. Это чудное украшение в чисто византийском стиле. Фрески часовни выписаны очень тщательно, ослепительно колоритны, и, несмотря на одеревенелость поз и блаженную кротость выражений, в них чувствуется вдохновение художника, ограниченного незыблемыми рамками традиций православной иконографии.

Резиденции. — Недалеко от часовни высится дворец покойной императрицы Марии Александровны, где обычно проживал Александр Второй. В этом дворце, посещенном мною два месяца назад, сегодня проживает императорская семья, собравшаяся у постели августейшего больного. Простая и вместе с тем аристократически элегантная, двухэтажная, очаровательная летняя резиденция, окаймленная слева широкой галереей. Внутри также ничего сногшибательного, кроме особой атмосферы, насыщенной величественными воспоминаниями: белый с позолотой салон, заставленный красивыми китайскими и японскими вазами; комната покойной императрицы, небольшая, но кокетливая, стены которой украшены акварелями лучших мастеров живописи и картинами с пейзажами Крыма кисти известного русского мариниста Айвазовского; строгий, уединенный, удобно обустроенный кабинет императора

Александра Второго. Как богомольца у алтаря, тебя охватывает религиозный трепет при виде большого кресла, в котором часто сидел освободитель русского раба за этим столом, где он, вероятно, подписывал святой указ об освобождении и работал над проектом конституции, уничтоженной бомбой террориста-убийцы.

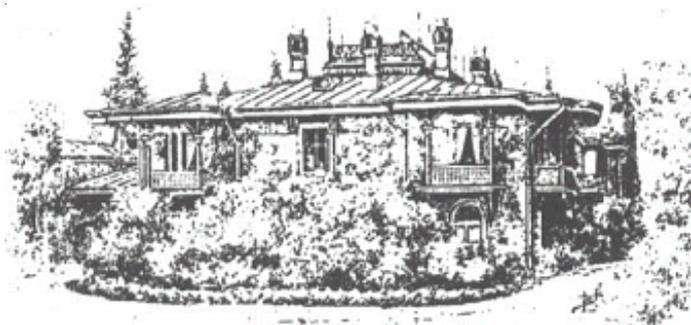

Часовня Александра II

И кто бы сказал, что достойный сын этой жертвы в двух шагах отсюда изнемогает под тяжелым грузом ответственности, отягченной угрызениями совести истинного христианина, преданного отца и благородного человека! Не Шамфор ли сказал когда-то: «Существуют две вещи, к которым следует привыкнуть под страхом сделать свою жизнь невыносимой: это разрушительное воздействие времени и людская несправедливость»?

Верхний этаж был предназначен для детей. Все здесь обставлено с буржуазной простотой. Большие полотняные рамы закрывают кровати. На стенах — красивые гравюры на сюжеты добродетельной морали, программа праздника, написанная по-французски: воспоминание о счастливых днях... Возвращаясь через большой балкон к главному входу, я замечаю географическую карту Крыма и план Ливадии с птичьего полета, выполненные Айвазовским.

Резиденция Александра Третьего, в которой он проживал, будучи еще великим наследным князем, была построена по соседству с Большим дворцом, описанным мною выше, но совсем в другом стиле. Архитектор, составивший план дворца, мебелировавший его, явно находился под влиянием очарования Бахчисарайского ханского дворца. На первый взгляд, снаружи — это довольно беспорядочное соединение балконов со столбиками; галерей, украшенных карнизами с выдающимися консолями, сложные изгибы которых выглядят очень живописно; фронтонов с тимпанами, изрезанными кружевами тонких и стройных, как ствол минарета, щипцов крыши. Но когда ближе рассматриваешь этот дворец, сразу замечаешь, что все это тонкое расписное деревянное покрытие чудесно сочетается с потоками зелени, со всех сторон обволакивающей здание. Особенно кокетливо выглядит сводчатый, покрытый кустарником центральный вход с балконом тонкой работы. Внутри убранство и, особенно, каминные императорского кабинета скопированы с оригиналов Бахчисарайского дворца.

Малый дворец

Все здесь выполнено в мавританском стиле, вплоть до мебелировки, в разумных пределах требований европейского комфорта.

Следуя далее, я замечаю дворец-пристройку; еще дальше на высоте 360 метров над уровнем моря расположен небольшой дворец Эриклик, построенный по совету медиков императрицы Марии Александровны, и еще дальше — нескончаемые виноградники, простирающиеся от леса до самого моря.

Малая резиденция Ай-Тодор

Я возвращаюсь в Ялту в экипаже. Поднялся пронизывающий ледяной северный ветер. Безобразные облака загрязняют небо, в котором пролетают большие ялтинские орлы. «Царь умирает! Царь умирает!» — Слухи циркулируют по городу. На всех лицах читаются глубокая печаль и болезненная тревога.

21 октября/1 ноября. — Мертвенно-бледное солнце светит в трагическом небе. Иду узнать новости. Вымытые ливнем улицы почти пустынные; мрачные гудящие волны накатываются на Набережную, словно траурный салют. Колокольный звон похож на отпевание. «Царь умирает», — повторяют вокруг. Всех охватывает общая ежесекундная страшная тревога, длящаяся вплоть до того послеполуденного рокового часа, когда объявили: «Царь умер!..»

Дворец Александра III

Ливадийский парк

Морской порт Феодосия

Ранее:

Как бы мы его ни называли — Феодосия или Кафа, этот город занимает очень важное место в истории Таврического полуострова, особенно с точки зрения торговли.

Много веков до нашей эры Феодосия уже являлась связующим звеном между республикой Херсонес и Босфорским царством.

В те далекие времена вся степь, примыкающая к Феодосии, поднимающаяся до Керчи и опускающаяся до Арабатской стрелки, часто являлась театром героических сражений, в которых дикая отвага аланов, гóтов и, особенно, сарматов ни в чем не уступала храбрости и хитрости греков. Однажды Митридат, призванный в качестве освободителя изнуренным от битв населением, победоносно прошел по этим окровавленным степям; затем, очарованный красотой края, он присвоил себе то, что освободил.

Впрочем, нам известно, что Митридат, люто ненавидевший римлян, с большой любовью относился к Греции, её языку, её нравам, её ораторам и поэтам. Он хотел иметь эллинов в качестве друзей, а не в качестве народа, уплачивающего ему дань. Именно поэтому даже в период владычества беспощадного султана Феодосия оставалась греческой красавицей, богатой своей торговлей.

Когда сыновья Митридата попали в зависимость от римской казны, начались страшные набеги варваров, от которых сильно пострадала Феодосия. И только в 11-ом веке теперь уже Кафа восстановилась во всей своей красе.

В эту эпоху (1261) Михаил Палеолог заключил с генуэзцами договор, согласно которому они освобождались от подорожной пошлины и получали право свободной навигации по Черному морю. Этот документ, сильно ущемляющей торговлю греков и венецианцев, создавал уникальные условия для генуэзских торговцев, чем последние не преминули воспользоваться.

С разрешения ханов они сразу же отстроили Кафу, оградив её со стороны суши глубоким рвом и стеной из тёсаного камня, протянувшейся с восточной части города до юго-западной оконечности бухты.

Эти удивительные для того времени укрепления, наводящие ужас на флот венецианцев, еще издали выделялись своими башнями с амбразурами и платформами с машикули по бокам. На западе возвышался дом консула, а рядом с ним большая цитадель, имеющая четыре входа и двенадцать зубчатых башен. На северо-западе на одной из высот виднелась другая крепость, состоящая из центрального замка с башнями по бокам, укрепления, четырех круглых бастионов и сухого рва.

Под прикрытием этой крепостной стены на протяжении двух километров пляжей город пересекал свои шумные улицы, где вокруг многочисленных источников, спускающихся с гор, располагались богатые караваны из Индии и Армении. Это был золотой век Кафы, которую называли крымским Стамбулом или городом восьмидесяти источников. Сюда доставляли пушнину с Севера, шелк из Персии, многочисленные товары из Азии.

Однако генуэзцы, сумевшие победить венецианский флот, оказались не в силах противостать Магомету Второму и были навсегда изгнаны из Крыма.

Тогда оттоманский султан превратил Кафу в столицу своего нового завоевания. Он оставил здесь крупный гарнизон, «санджага» и «бейглербейлига», которые должны были от его имени управлять всем полуостровом и защищать его от набегов монголо-татар. Сразу же Кафа изменила свой характер.

Генуэзские стены ввиду их значения остались нетронутыми, а колокольни христианских церквей взвились ввысь минаретами с полумесяцем на вершине вместо креста. Строители возвели несколько новых мечетей. Буюк-Джам была самой красивой и самой известной мечетью. Она возвышалась над городом двумя минаретами высотой 30 метров и ещё издали с галер был виден её центральный купол с одиннадцатью сводами, расположенными вдоль трех

её сторон. Между тем, с тех пор, как последний властелин закрыл для европейских держав доступ к Черному морю, улицы Кафы утратили свою былую оживленность. Уже не было такого лихорадочного движения большой торговли: не было ни персов, ни армян, ни греков; только

Вид Феодосии (фото автора)

несколько монгольских крестьян, продающих степную пшеницу и фрукты из долин, или ещё несколько колонн молодых черкесских рабов, идущих по направлению к двору «санджагов».

Позже султаны Константинополя отказались в пользу ханов от прав на владение Крымом, который они подчинили себе и над которым они продолжали очень ревниво господствовать, несмотря на частые ханские мятежи и военные действия России, ставшей впоследствии хозяйкой этого края.

Этот последний период междоусобиц оказался особенно губительным для крымского Стамбула. Путешественник, посетивший Феодосию в начале века, мог насчитать в пределах крепостных стен среди развалин, в которых жили в основном греческие рыбаки, лишь сотню домишек.

Сегодня:

С тех пор Кафа вернула себе имя Феодосия, которое звучит, как сладкое имя женщины. Однако, её возрождение из руин шло очень медленно. Феодосию заселили, в основном, караимы, пришедшие из Мангупа и Чуфут-Кале, а также греки и армяне. И вот вследствие указа Александра III, объявившего Феодосию торговым портом на Черном море, а Севастополь — военным, древняя соперница Константинополя оказалась накануне превращения в первый город Крыма.

Впрочем, древняя Кафа пока ещё очень робко выходит за пределы генуэзских укреплений, разрушенные башни которых ещё высятся возле рвов, заполненных землёй и щебнем. И все же, такой, какой он есть, этот маленький город хранит в себе какой-то особенный отпечаток

Караимский священник (фото автора)

людей и событий слишком значительных, чтобы снизойти до вульгарности. Это как свергнутая королева, на лбу которой даже в могиле заметен след от диадемы.

На вершине небольшого холма, возвышающегося над городом, можно увидеть маленький музей, который снизу выглядит, как греческий храм. Именно отсюда лучше всего обозревать Феодосию. Напротив нас широко разворачивается бухта, уходящая на восток в сторону Керчи. По берегам этого широкого изгиба кристальная прозрачность моря растворяется в отблесках пляжа и отражается в мираже дальних деревень. Ближе к нам находится новый порт, его элегантная дамба и мол со складами, заснеженные железные панцири которых похожи на морских чудовищ, вышедших наружу и покрытых белой пеной волн. У моих ног между пляжами и низкими горами вырисовывается город, открытый лишь северному и юго-западному ветрам. Город — это скопление банальных домов, дальше от центра переходящих в мазанки, сгрудившиеся вокруг музейного холма. То там, то здесь виднеются разнообразные колокольни церковей различных конфессий. В центре главной площади высится православный кафедральный собор с его тяжелыми зелеными куполами, рядом с ним заметен купол армянской католической церкви, далее древняя мечеть, минарет которой используется под колокольню; чуть выше на

Фонтан Айвазовского (фото автора)

заснеженной горе расположилась маленькая простенькая армяно-грегорианская колоколенка; на том же уровне, ближе к северу виднеется островерхая военная церковь и далее ещё несколько колоколен.

Кварталы, расположенные непосредственно подо мной, изрезаны узкими извивающимися улочками. Иногда мой взор устремляется в эти не знающие тени двory, где полуголые дети играют в ловитки среди белья, которое сохнет под бледными лучами зимнего солнца.

Если мы обойдем музей с другой стороны, то увидим татарский квартал, скрывающийся в складке горы, увенчанной ветряными мельницами. Именно в этом пустынном уголке под покровом печальных холмов вокруг скорбного мрачного минарета укрылись забытые жители древней Кафы.

Спускаясь в город, я пересекаю старые кварталы. Их узкие, вымощенные древними камнями улочки извиваются меж домов с маленькими решётчатыми окнами, низкими сводчатыми винтовыми дверьми, похожими на тюремные, с большим железным кольцом посередине. Пересекая главную улицу города Итальянскую, куда я намерен вскоре вернуться, попадаю в новый порт.

План нового торгового порта Феодосии был разработан в 1888-1889 годах инженерами Брандтом и Наумовым. Контракт с подрядчиками был подписан 16 сентября 1891 года. В марте месяце была сдана первая очередь проекта, а официальное открытие порта состоялось 9 сентября 1895 года, пять месяцев спустя после окончания работ... Дамба имеет 292 сажени в длину, вход в гавань — 175 саженей в ширину, корабли швартуются у причала длиной 650 саженей. Государственный Совет выделил на это строительство 4.200.000 рублей, из которых было израсходовано 4 миллиона.

На молу построили 21 металлический склад с деревянной обшивкой внутри. На этих складах хранится около 120.000 четвертей зерна. Таким образом, может быть, уже в десятый раз на протяжении своей многовековой истории Феодосия вновь стала главным торговым портом на Черном море. И разве не очевидно это божественное предназначение древней Кафы, обладающей огромным заливом, в глубине которого спрятался город, естественным образом защищенный от ветров. Это природное убежище во все времена манило к себе корабли Понта Эвксинского, известного коварством своих волн и побережья.

Проходя по новому порту, я получаю, увы, очень редкое удовольствие лицезреть цвета французского флага на одной из корабельных мачт. Это «Анатолия», пароход компании Паке, загружающий зерно для Марселя...

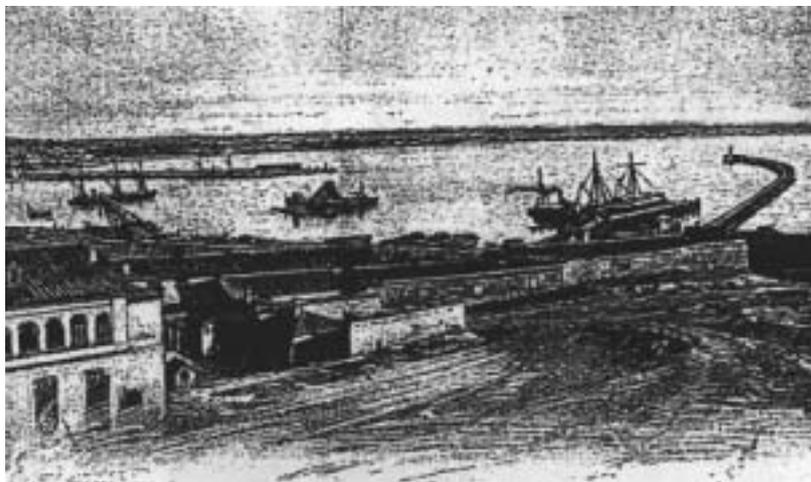
Я покидаю порт и возвращаюсь на Итальянскую улицу. С тех пор, как она утратила свой восточный колорит, в ней осталось мало привлекательного: обычные магазины, продавцы-караимы в своих зимних тулупах, несколько русских офицеров с военной выправкой, которые под этим холодным небом всё же скучают по своим северным гарнизонам; дамы и молодые девушки, очень симпатичные, не всегда пикантные, одетые по последней крымской моде; группа семенящих турок из Трапезунда, прибывших сюда в поисках работы.

Напротив красивого здания, строящегося для Азово-Донского банка, я нанимаю фиакр и направляюсь на вокзал, расположенный приблизительно в трёх километрах от города.

По пути я проезжаю элегантный фонтан в мавританском стиле, окруженный тополями, величественные развалины генуэзской башни, клуб, театр, женскую гимназию, государственный банк и дом мэтра Айвазовского, знаменитого русского мариниста, родившегося в Феодосии и, несмотря на почести и богатство, оставшегося верным своей родине. Поэтому говорить об этом человеке в этом городе -- это всё равно, что говорить о Боге в церкви: здесь есть бульвар, улица и фонтан его имени. Без сомнения, в будущем появятся его памятник и статуи, но зная очень хорошо его характер, высоко уважая его талант, я бы хотел, чтобы это произошло как можно позже...

И вот мы за городом. Где-то пять лет назад прекрасным июньским днем, я уже бывал здесь. Ухабистая дорога возвышалась над дивным пляжем с мелким золотистым песком. На солнечном побережье резвились многочисленные семьи татар и цыган, спустившиеся сюда с соседних окраин.

Детишки барахтались в волнах, мужчины возлегли в тени насыпи при дороге, дремлющие женщины с маленькой вишневой курительной трубкой во рту присматривали за длинными выстиранными в море белыми полотнищами, создающими на золотом горячем песке живописные полосатые узоры. Всё это радовало глаз, давало яркое ощущение той свободы и радости жизни, о которых в старой Европе уже и не вспоминают.

Феодосийский порт (фото автора)

Сегодня многое изменилось. На месте исчезнувшего пляжа по широкой насыпи каждый день проходят по направлению к порту тяжелые товарные вагоны. А море можно увидеть только сквозь дым паровоза вдалеке, за двойным парашетом. После километра пути с высоты нового железнодорожного моста справа открывается вид на старый город, а слева на месте нового города расположены грандиозные виллы, новые казармы и, наконец, маленький кокетливый, хорошо обустроенный, но уже тесный для такого города вокзал.

Постройка железной дороги впервые была предпринята ещё сорок лет назад одной французской компанией. Но вскоре по административным причинам работы были прерваны.

Феодосийская железнодорожная ветка имеет протяженность 100 вёрст. Она примыкает к линии Севастополь-Симферополь-Лозовая.

Было бы слишком смело уже сейчас заявлять о преимуществах этой дороги, однако, можно предположить, что эти преимущества окажутся значительными, судя по тому, как Севастополь, несмотря на императорский указ, отчаянно пытается сохранить свой торговый порт. Очевидным на сегодняшний день остаётся тот факт, что, учитывая подверженность Азовского моря и Керченского порта замерзанию в зимнее время, всё зерно восточной части полуострова свозится в Феодосию, которая удвоила численность своего населения за последние два года. Вот неопровержимое доказательство важности этой железнодорожной линии для Крыма в целом и для Феодосии в частности.

Я возвращаюсь в город и по дороге встречаю повозку, тяжело груженную большими клетками с домашней птицей. Этот неуклюжий транспорт тянут два верблюда, последние потомки тех, кто сопровождал в походах орды Аксак-Темис Индека (Тамерлана). На одной из клеток с вожжами в руках восседает старик; у него такой яркий и очень распространенный в этой части полуострова монголоподобный тип лица. Проезжает поезд. Старый монгол провожает его удивленным взглядом. Верблюды останавливаются. Они не менее, чем их хозяин, удивлены видом этого железного зверя, передвигающегося без крыльев, ориентирующегося без помощи глаз. Паровоз исчезает за горизонтом, и старик-монгол, хлестнув своих животных, продолжает степной путь, с улыбкой напевая такую, грустную-грустную песню...

Путешествие по мертвым городам Крыма*

«Наши образы мышления породнились еще до того, как это сделали цвета наших знамен». / Де Роберти /

Моей сестре Жанне Бертрэн

Город Бахчисарай

Для того, чтобы проделать путь по железной дороге от Симферополя** до Бахчисарая, необходимо около двух часов. Дорога спускается к югу по направлению к Севастополю. Справа вдоль нее тянется цепь противных, белесых, бесплодных холмов, похожих на могильники; слева — слегка округленная полоса степи, ограниченная вдалеке горами, между которыми проглядываются зеленые линии чудесных долин: Альмы, Качи, Бельбека. Пейзаж довольно монотонен, но к 9 часам утра линии смягчаются, цвета становятся более гармоничными. Можно сказать, что темные горы со стороны востока покрылись слоем голубой эмали ярче неба. Ближе к вершинам этот цвет приобретает серебристый оттенок.

Совсем рядом с поездом по серой лысой земле тянутся плантации арбузов, дынь, кукурузы и подсолнечника. Они имеют ласкающий бледно-зеленый оттенок, освещаемый с разных сторон яркой желтизной канталупы, початков кукурузы, головок подсолнечника. Иногда на поляне, посреди одной из таких плантаций, у соломенной хижины неподвижно стоит сторож-татарин и, задрав голову, наблюдает за поездом.

Татарин-крестьянин (фото автора)

Часам к 10 утра мы прибываем на вокзал Бахчисарая. Мгновение спустя экипаж увозит меня в Ханскую столицу. Справа мы оставляем на время Эски-Юрт (Древнее жилище) с его элегантными куполами древних царских мавзолеев и медленно двигаемся вперед, не видя города, прячущегося, вероятно, за маячащими впереди нас известковыми холмами. И, действительно, вскоре почти одновременно появляются маленькое русское кладбище, а чуть дальше - сводчатые, побеленные известкою ворота, сооруженные в честь Екатерины Второй, посетившей Бахчисарай 25 мая 1787 года. Эти ворота выходят на главную городскую улицу. Но перед тем,

* Путешествие осуществлено в 1894 году. Эта работа дополняет книгу «Путешествие по Крыму» (Кальман Леви 1892 г.)

** Столица Крыма

как попасть в татарский квартал, мы проходим небольшой цыганский район, замечая детей и женщин особой красоты.

Я останавливаюсь в гостинице «Германн», выбранной мною из-за близкого соседства с Ханским дворцом, от которого ее отделяет лишь глубокий ров с деревьями, коих я могу потрогать руками из своего окна. Кроме того, здание гостиницы со всех сторон окружено балконом, с которого видна большая часть города и слышен призыв муэдзина. Нельзя также не отметить тот факт, что здесь кормят по-домашнему, на чистой посуде.

Пообедав и посоветовавшись с предоставленным мне гидом Теодором Петровичем Брянцевым, я отправляюсь в город. В 1422 году крымские ханы перевели свою резиденцию из Старого Крыма близ Феодосии в Бахчисарай, сделав его столицей Крыма вплоть до 1783 года, эпохи его покорения русскими. Бахчисарай расположен на мягких склонах узкой долины, в глубине которой протекает Джурук-Су (Гнилая вода). Со всех сторон долина зажата серыми, голыми, грустными горами, испещренными пещерами. Где-то на 2 км в ширину и на 3 км в длину поселение громоздится по обоим берегам Джурук-Су вплоть до подножия высоких известковых террас, защищающих его от северного и южного ветров.

По улочкам Бахчисарая (Дворца садов) текут воды около 100 фонтанов, снабжаемых тридцатью двумя источниками, находящимися под благоговейным присмотром священнослужителей. Эти воды наполняют город тенью, свежестью и нежной музыкой.

Бахчисарай представляет особый интерес для посещения: в соответствии с указом Екатерины II этот город был оставлен татарскому населению. И теперь только здесь еще можно составить себе представление о ханском Крыме и почувствовать последние удары его смертельно раненного сердца.

Полдень. Я присутствую на дневной молитве в большой мечети, примыкающей к ханскому дворцу. Эта мечеть, самое примечательное строение в округе, состоит из очень оригинального купола и четырех изящных минаретов. По призыву муэдзина все благочестивые молчаливыми группами заходят в мечеть. Много стариков, много лиц, испещренных морщинами; видны также прекрасные снежные бороды, освещающие ярко красные тоги. Они снимают обувь на пороге мечети и, после нескольких ритуальных земных поклонов, рассаживаются вокруг старого имама, неподвижно застывшего напротив ниши, закрытой зеленой материей.

Начинается молитва, шумная, рутинная, со вздохами, с зевками, с икотой, только раз прерываемая чтением Корана, осуществляемым одним из прихожан...

Позади импозантного имама я замечаю узкую, длинную лестницу, ведущую на закрытый решеткой балкон у сводчатой балюстрады. Отсюда ханы могли следить за религиозными церемониями, оставаясь невидимыми и не выходя из дворца. Сегодня балкон пуст. За густой решеткой более не заметна уже августейшая тень, и верующему, молящемуся сегодня в большой мечети Бахчисарая, несомненно, легче на душе от осознания того, что над ним только Бог.

Молитва окончена. Все молча выходят с просветленными лицами и исчезают один за другим в глубине узких, солнечных улиц, где на тротуарах растет трава.

Вид Бахчисарая

Школа, находящаяся на попечении большой мечети, расположена в двух шагах отсюда. Она состоит из одной бедной, низкой комнаты с замусоленными стенами и с облупившейся штукатуркой. Ее освещают окно с решеткой, выходящее во двор, и широко распахнутая дверь в тени старой сливы, плоды которой оставляют на земле кровавые следы. Учитель — милостивый старец, одетый во все красное, с красивой королевской карточной бородкой, цвет которой бледнее, чем его тюрбан паломника. Он почти растянулся перед низким пупитром, на который поставил свои туфли. Учитель лениво дирижирует своей изящной палочкой. Сидя перед ним на глиняном полу, его маленькие ученики громко читают Коран, покачивая головами. Чтобы пройти к семинарии, или медресе, я пересекаю маленький, прохладный, тенистый дворик, посередине которого красивый фонтан разбрасывает хрустальные водяные жемчужины, шумно ударяющиеся о мраморный бордюр. Слишком громкое слово — семинария! Представьте себе три комнаты, связанные между собой двумя узкими дверями; в каждой из комнат около двадцати деревянных топчанов с соломенной подстилкой, кувшином и грубым войлоком. Сейчас семинаристы на каникулах, а мой гид Брянцев со страхом останавливает меня на пороге этих келий со зловонным запахом плесени, полагая, что здесь очень много вшей.

Выйдя из медресе, я возвращаюсь на центральную улицу. Эта, в общем-то, единственная настоящая улица Бахчисарая не представляет собой ничего интересного. Утрясенная четырьмя веками ее использования, проезжая часть напоминает своей мостовой каменистое ложе горного потока после ливня; только четырехколесные экипажи могут здесь сохранять свое равновесие. Пешеходы передвигаются по узким, извилистым тротуарам, тянущимся по обе стороны дороги. Чаще всего встречаются бедные магазинчики. Но это восточная, цветастая бедность. Я замечаю много шорников, несколько ювелиров, около двадцати столяров и производителей курительных трубок. Все они работают, сидя на циновке у порога своей лавочки, в двух шагах от позолоченной солнцем улицы. Есть тут и торговцы продуктами, фруктами, гончарными изделиями; но самые прекрасные — это торговцы разноцветными тапочками: красными, желтыми, черными и фиолетовыми. Я не знаю, почему у татар работа не несет того оттенка трагичности, который у нас придает ей библейская теория о божественной каре и сегодняшняя борьба за выживание.

Ремесленники древней ханской столицы работают как бы ради развлечения, не заботясь о возможных и вероятных прибылях.

Лавка булочника

Покидая главную улицу, мы углубляемся влево, в лабиринт улочек и тупичков, куда можно пробраться только пешком; при этом желательно иметь прочный коленный сустав и хорошо сидящую лодыжку, чтобы не подвернуть ногу на каждом шагу. В этих, как бы интимных кварталах города встречается мало людей. Здесь, как вечером в церкви, слышишь звук своих шагов. Мы встречаем лишь несколько женщин в балдахонах константинопольских кадин с муслиновой вуалью на лице, очерняющей и высвечивающей их глаза; группу детей, несущих в плоских корзинах огромные фиолетовые сливы с аметистовым оттенком; двух старцев, медленно, но

уверенно бредущих по тротуарам, стертым их ногами; длинного худого дервиша с черным тюрбаном на голове, аскетический скелет которого внезапно исчезает за низкой дверью. В проеме этой двери мы успеваем заметить мраморный двор, фонтан и женщин среди цветов.

По мере нашего продвижения к югу, склон становится более крутым, а дома меняют свой характер. Они теряют свою строгую замкнутость, часто появляются открытые балконы со столбиками из крымского дерева. Здесь также встречаются армянские дома с их застекленными галереями, украшенными цветами, крепкие белокожие армянские женщины с широкими, плоскими, черными повязками на голове.

Ближе к закату, минуя последние городские дома, я подхожу, наконец, к вершине горы «Белая бровь» напротив древнего кладбища. Отсюда нашему взору предстает весь Бахчисарай, такой неожиданно кокетливый и веселый. Это похоже на шкатулку, внезапно открывшуюся, благодаря игре секретной пружины. Со всех сторон виднеются доселе скрытые высокими стенами сады, похожие на крупные жемчужины в оправе; кусты, аллеи тополей; грациозные, взмывающие ввысь минареты; купола гробниц и мечетей; а слева — большое зеленое пятно Ханского дворца. Да, это действительно восточный город, настоящий «дворец садов», — Бахчисарай!

Общий вид Бахчисарая

И в прошлом, созерцая этот город, засушливые молчаливые вершины в этот сумеречный час, когда теплый бриз разносит ароматы роз, герани и жасмина, многие татарские поэты могли без сожаления мечтать о чудном Багдаде, имя которого так часто упоминалось в их стихах.

Когда я вновь спускаюсь в город, вдоль извилистых улиц зажигаются фонари, в окнах домов появляются лампы. Слышится звон колокола на маленькой армянской церкви «Двух апостолов». Напротив меня, по другую сторону города, горы простирают в бесконечность свои плато и меловые вершины при свете появляющихся звезд, похожих на бриллианты в опаловой оправе.

Вечером я приглашаю Теодора Петровича Брянцева выпить со мной чаю на балконе гостиницы. Прежде всего, не подумайте, что Брянцев похож на тех заурядных гидов, которые более преуспели в рекламе своих услуг, чем в знаниях о стране своего обитания. Брянцев — это добрый русский с мягким худым лицом Христа, который согласился бы пожертвовать своим глазом и голодать в пустыни сорок лет вместо сорока дней. Вежливый, ненавязчиво услужливый, он с удовольствием беседует с тобой. Он «соблаговоляет» не знать о многих вещах, несмотря на свой ум. У него в карманах всегда найдется образец того, что вас интересует: камни, минералы, кораллы или окаменелости. Предположим, вам попался скульптурный фрагмент, поразивший вас: если Брянцев это заметит, будьте уверены, на следующий день он принесет вам рисунок, очень похожий на оригинал, несмотря на то, что он сделан неумелой, детской рукой. Этот добряк, — возможно, неудачник, сражающийся со своей робостью. Устав от этой борьбы, он, как воробышко, залетел в Бахчисарай и здесь решил окончить свои дни. Я его

часто вижу перед глазами: одетый во все черное, жалкий длинный фрак, деформированный картуз, он смело вышагивает впереди меня, волоча за собою мою длинную дорожную сумку. И потом, Брянцев — отец шестерых детей, которых он одевает, согревает и кормит на деньги от уроков русского языка, которые он дает зимой татарам, и на несколько рублей, получаемых летом от редких путешественников за работу в качестве гида. Поэтому, дорогой читатель, я рискну обратиться к вам с рекламой : если вы в качестве практичного и милосердного туриста посетите Бахчисарай, пусть вашим гидом станет Брянцев!

С того места, где мы находимся, видна большая часть северного склона города с празднично освещенными домами. Застекленные веранды похожи на огромные фонари, а в глубине дворов тихий, невидимый свет ламп высвечивает белизну окружающих стен, создавая на них порою фантастические теневые узоры. У наших ног между деревьев два уличных фонаря освещают вход в Ханский дворец, словно две траурные свечи у катафалка. В тишине улицы четко раздаются шаги женщины с вуалью и татарина, несущего впереди нее венецианский фонарь. Небо прозрачнее и синее, чем в Африке, вместе с тем оно менее объемно, хотя иногда, как и в Алжире, кроме звезд, на нем можно наблюдать и звездную пыль. Справа, ближе к верхним кварталам в этом чудном небе на фоне зазубрены соседнего хребта высится мрачный и печальный, похожий на сломанную мачту минарет с обвалившейся вершиной. Это минарет мечети Марии Потоцкой, давно закрытой для верующих, и имеющей множество легенд. Вот одна из наиболее распространенных, рассказанная Брянцевым: 25 мая 1787 года в то время, как Екатерина Великая, въехав в Бахчисарай ближе к полудню, пересекала главную улицу по направлению к Ханскому дворцу, муэдзин мечети Потоцкой, как обычно, с вершины минарета созывал верующих на молитву. Один из казаков эскорта императрицы принял это за выражение непочтения со стороны святого человека. Он выстрелил ему в рот, сразив наповал. В тот же день вершина минарета обвалилась, и двери оскверненной мечети закрылись навсегда.

Эта легенда подводит нас к разговору о несчастном татарском народе, тихо вымирающем в степях и горах Крыма, в ссылке на Кавказе, в самых заброшенных окрестностях Константинополя. Чем дальше продвигаешься от степи к побережью, тем больше замечаешь, как физически и морально изменилась татарская раса при контакте с чужеземцами, прибывшими с моря. Единственно, кто еще может сегодня дать довольно правильное представление о монголо-калмыках, захвативших Русь и Крым, так это потомки тех кубанских ногайцев, которых переселили из турецкой крепости Анапы в степи Тавриды.

Местные татары в основной своей массе трудолюбивы.

Более подверженные капризам природы, более закаленные тяжким трудом, чем горные татары, они с презрением крестьянина к штатскому относятся к своим братьям, живущим на побережье, называя их татами и ренегатами. Их коричневые деревни в коричневой степи смотрятся так же грустно, как и табор бедуинов в пустыни: ни одного дерева, ни одного фонтана, только одни глиняные мазанки, облепившие со всех сторон тихую площадь, где там и сям бродят в траве или по снегу куры, гуси и утки. Иногда можно заметить в углу или посередине улицы потертый край очень глубокого колодца.

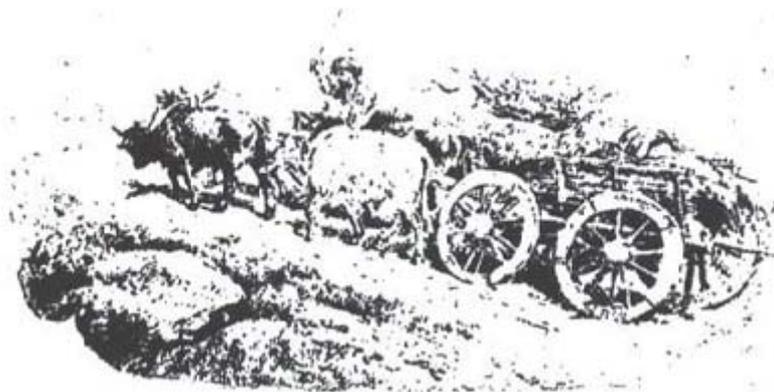
Старый татарин-крестьянин

Южнобережный татарин

Летом им принадлежит необъятная степь с маками, плывущими, как красные медузы, по волнам пшеницы и ячменя. Но маки быстро облетают, и степь быстро желтеет, приближая тяжелый период жатвы и молотбы под обжигающим солнцем при жарком ветре, поднимающим со всех сторон облака пыли, тянущиеся до самого горизонта.

Я часто встречал на дорогах Крыма этого татарина-земледельца. Он тяжело шагал позади своей мажары, колеса которой ужасно скрипели при каждом медленном, неровном шаге идущих в примитивной упряжке буйволов, которые вдвое сильнее быков, или верблюдов с добрыми, симпатичными глазами большого пса. Обычно татарин носит шапку из черного барана, маленькую курточку из шерсти белых ягнят, широкие серые штаны из грубой ткани, а на ногах — кожаные подошвы, подвязанные к икрам. Бронзовый цвет сурового лица, редкая, короткая борода, узкие монгольские глаза, он идет с трубкой во рту, низко опустив голову, выдвинув плечи вперед, как будто подталкивает руками невидимую повозку.

Татарин-степняк

И, наблюдая, как он месит ногами краснозем или жирную грязь разбитых дорог, привычно помахивая коротким кнутом, я думал о татарине-горце, который в это же время прорывал каналы, направляя живительную прохладную влагу к тенистым садам и плантациям табака и винограда, откуда открывается прекрасный вид на море.

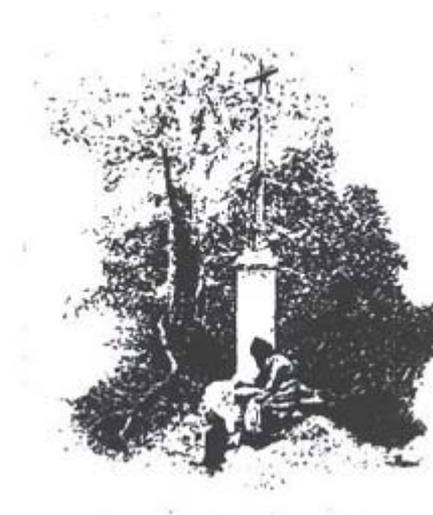
Татары Ялты и побережья, в общем-то, настоящие татары современного Крыма, не имеют четко выраженного типа. Они одновременно напоминают итальянцев, армян, кавказцев и, особенно, греков и турок. Поэтому у них, в большинстве своем, красивые глаза, правильные черты лица, густая темная борода, белая кожа, заискивающие, обходительные манеры. Они говорят на испорченном турецком языке с некоторой примесью иностранных слов, особенно, итальянских. Обычно умеренный в еде, татарин с легкостью может стать обжорой. Это только вопрос обстоятельств. Он с одинаковым удовольствием и аппетитом съест кусок черного хлеба, натертый чесноком, — свою обычную пищу, или вкусит пол-барашка с очень сладким десертом. Эти потомки Ченгис-хана могли бы издать свою поваренную книгу, в которой, безусловно, я бы упомянул «чирчербурек», приготовленный из свежерубленной баранины с молодым луком в слоеном тесте; «шишлыки», или ягнята на вертеле, зажаренные на костре, сильно поперченные и приправленные в горячем виде пахучими травами. Среди очень калорийных сладостей «баклава» достойна особого упоминания. Это круглый пирог из нескольких коржей, между которыми проложен «каймак» — сладкий молочный заварной крем с топленным маслом. Пирог подают ломтиками, политыми медом. Брянец утверждает, что баклава легко усваивается. Это доказывает, что у него — крепкий желудок!

Чаще татарин пьет только воду, но, когда это возможно, он балуется «язмой», освежающим напитком из йогурта, вида кислого молока, или «бузой» — напитком на основе забродившего меда.

Что касается водки, которую по чистой случайности Магомет забыл запретить, то она имеет много поклонников среди молодежи, особенно тех, кто служит в татарских эскадронах, созданных Россией. Мне не раз случалось видеть этих молодых кавалеров с их пьяным диким отупением, напоминающих мне наших алжирских стрелков, находящихся под воздействием абсента. Поэтому старики-татары воспринимают казарму, как грязную клоаку, превращающую их детей в пьяниц. Вероятно, именно это создавало трудности для рекрутского набора в среде татарского населения. Некоторые годами скрывались в горах в недоступных убежищах, другие уплывали на простых лодках в Константинополь в сопровождении родителей, готовых на самые тяжелые жертвы. Я знаю одного старого, полуслепого ходжу из очень хорошей, некогда зажиточной семьи, у которого семеро сыновей. Ему удалось таким образом избавить шестерых детей от воинской службы, но седьмой, видимо, станет солдатом, так как все эти путешествия подорвали здоровье старика. Он опасается умереть на чужбине. Эта история доказывает, насколько развито у татар чувство семьи. Здесь также ощущается влияние греков, особенно дорожащих семейными добродетелями.

Мужчина — неоспоримый и почитаемый глава татарской семьи, при том, что его жена не рабыня и не служанка ему. Обычно, у татарина одна, очень преданная ему жена-советчик.

Как далеки эти взаимоотношения от арабской семьи! Там, где араб уже раз двадцать пустил бы в ход свою палку, татарин будет продолжать убеждать словами. Кроме этого, он очень нежно относится к детям, он набожно почитает стариков; и если иногда он жесток по отношению к нищему, так это потому, что сегодня самый богатый — это наименее бедный среди татар, стоящий в двух шагах от нищеты. Татарин довольствуется слишком малым, чтобы позволить себе роскошь раздавать милостыню. Будучи мирным по нраву, он не любит ссоры. Впрочем, в момент вспыльчивости может случиться, что он с кулаками будет доказывать свою правоту. Однако это не будет серьезная драка, так как вид крови парализует его. Самая тихая из французских провинций насчитывает в своих анналах за двадцать лет больше преступлений, чем весь Крым за пятьдесят лет. Большие преступления здесь настолько редки, что о них потом еще долго говорят со страхом по вечерам, дополняя все новыми и новыми фантастическими подробностями, перенося эти преступления в область легенд. В этой связи Брянцев подробно рассказал мне об убийстве игумена Кизилташского монастыря близ Судака, убийстве, совершенном тремя татарами, одному из которых особенно нужны были деньги, чтобы увезти в Константинополь молодую француженку из Судака, оказывающую ему знаки внимания. Разбойники затаились в лесу у дороги; как только появился монах на коне, они убили его одним выстрелом из ружья, затем, чтобы замести следы, решили сжечь труп.

Памятник игумену из Кизил-Таша

Но во время этого гнусного дела убийцы заметили, что с соседней вершины за ними следит мальчик-пастух, стерегущий баранов. Бросившись за ним в погоню, они схватили мальчика-татарина и начали угрожать спалить его самого, если он, съев землю, не поклянется молчать до конца своей жизни. Испуганный парнишка дал клятву преступникам. Но затем его замучали угрызения совести. Во время сна его преследовали кошмары, днем ему казалось, что деревья разговаривают, и однажды ночью в бреду он обо всем рассказал отцу. Сразу же оповестили полицию, и через несколько месяцев троих убийц повесили на одной из площадей Феодосии. «Среди них был один красавчик. В час его смерти у всех женщин Тавриды были слезы на глазах», — завершил свой рассказ Брянцев.

Мальчик-татарин

На этом месте нас прервали последние призывы муэдзина на молитву. Слева от нашего балкона совсем рядом с нами высится минарет Ханского дворца. Кажется, протяни руку, и достанешь его. На вершине минарета огромная, как слепая ночная бабочка, черная тень муэдзина трижды обходит вокруг потухшего факела. Слышится жалобный призыв, долгий рыдающий крик, колебания от которого идут не вширь, а ввысь по направлению к звездам и возвращаются оттуда странным эхом. Затем мрачный силуэт крикуна растворяется, голос умолкает, исчезает эхо, и желанная ночная торжественная тишина обрушивается на нас. «Самый большой недостаток татарина — это его лень», — говорит мне Брянцев.

И он прав. Татарин в совершенстве обладает талантом ничегонеделания или делания только того, что крайне необходимо. Он засыпает с удивительной легкостью. В любое время дня или ночи ему стоит только лечь на живот, положить руки на скрещенные руки, и вот он уже храпит, закрыв глаза. Также хорошо этот вечный соня наделен огромной способностью собраться и прекрасно выполнить срочную, безотлагательную работу. Именно его собранность и привязанность к домашнему очагу не позволяют татарину терять свои силы в отупляющей распущенной праздности, так свойственной народам Востока.

В качестве вывода: татарин — очень симпатичный человек, который любит природу так же, как те, кто ее понимает, и понимает природу так же, как те, кто ее любит. Он умен. У него больше самолюбия, чем гордости, больше упрямства, чем настойчивости; и если он не всегда с уважением относится к благу другого, так это потому, что христиане разных конфессий, окружающие его, сделали все, чтобы доказать ему отсутствие этой добродетели в катехизисах.

Уже полночь. Я отпускаю Брянцева, назначив ему встречу на следующий день в Ханском дворце. Ни одного огонька в черной массе домов, кучкующихся на склоне вокруг оскверненного минарета. А внизу, на тихой улочке между деревьями у дверей Ханского дворца горят два фонаря, как две погребальные свечи у катафалка.

Ханский дворец

Этот дворец был построен в 1519 году крымским ханом Адил-Сагаб-Гераем. Чтобы попасть в него, мы пересекаем маленький каменный мостик через речку Джурук-Су и оказываемся у широких ворот в форме небольшой сводчатой беседки, ведущих в первый дворцовый дворик. Над этими воротами на стене читаем следующую надпись: «Хозяин этой двери, овладевший этим краем, - высокочтимый Хаджи-Герай хан, сын Менгли-Герай хана! Да дарует Всевышний высшее блаженство Менгли-Герай хану, его отцу и матери!»

Первый дворик производит хорошее впечатление, особенно его скверики с густыми деревьями, создающими вечную ночную тень, два постоянно журчащих фонтана и, наконец, большая мечеть, которую мы посетили вчера, с ее куполами и минаретами, возвышающимися над длинным рядом очень невзрачных хозяйственных построек.

Вход в Ханский дворец. Рисунок Будье

Входная дверь дворца находится справа, в тени огромного платана, зеленые бубенчики которого устилают влажную почву вокруг дерева. Это решетчатая дверь с, увы, свежеевыкрашенной резьбой. Войдя внутрь, мы попадаем в довольно темный вестибюль, ведущий к закрытой снизу доверху очень мелкой деревянной решеткой клетчатой лестнице, наверху которой с узкого, как в трактире, порога открывается вид на зал приемов. По четырем сторонам этого зала расположены скамьи, покрытые фиолетовым бархатом, шитым золотом. Здесь также находятся портрет Екатерины II в 1787 году и стол, за которым вкушала знаменитая императрица.

Затем следует длинная анфилада почти одинаковых комнат с живописными дверями и с золотисто-бархатными скамьями.

Вот будуар, или туалетный салон с большими зеркалами в серебряных рамах и красным халатом с золотыми узорами, который властитель надевал в длинные, монотонные дни. А вот — комната наследника, скамьи которой покрыты атласом

цвета голубого неба. Ханская спальня с альковом, за шелковыми желтыми занавесями которого видна кровать с золотыми ножками в виде когтей орла, и совсем маленькие тапочки, инкрустированные перламутром, которыми пользовалась Екатерина Великая. Здесь также находятся красивые голубые игольницы, перламутровый столик очень хорошей работы, а напротив — полотна с подписями всех императоров, посетивших дворец, красивые оранжевые обои с золотистыми рельефными вышивками. Затем следует комната Диляры Бикез, любимой жены Крым-Герая (Марии Потоцкой Мицкевича и Пушкина), христианки. В зеркале

отражается веер из страусиных перьев. Кажется, что он несет следы маленькой женской ручки, так часто сжимающей его. Обои и скамьи здесь из белого бархата, расшитого золотом. Мне посоветовали обратить внимание на оригинальный шкаф в углу комнаты: на каждом из его панно изображен пейзаж, в котором сочетаются странные живые рисунки и колориты. Но что меня больше всего поразило в этой комнате фаворитки, так это пять или шесть маленьких кропильниц из простого стекла, которые набожная рука повесила здесь, чтобы разрушить татарскую версию о том, что Диляра умерла мусульманкой. Мне лично кажется, что для этого столько кропильниц или слишком много, или слишком мало.

Переступив порог размера чуть больше шахматной доски, я проникаю на балкончик, тщательно замаскированный густой решеткой, выходящий в большой зал Совета. Отсюда, оставаясь всегда невидимыми, ханы следили за «свободными» беседами придворных вельмож. Все, что мы уже посетили, составляет главное крыло дворца. Сейчас меня провожают во второе крыло, дверь в которое охраняет старинная, найденная у вокзала пушка, датируемая 1149 годом по мусульманскому летоисчислению. Здесь находятся сводчатые канцелярии Селамет-Герай хана, увитые виноградом и плющом бассейны, в которых купались женщины, и, совсем рядом, стеклянный павильон послеобеденного отдыха, где на белых диванах сегодня мелькают лишь тени деревьев и больших кустов роз. В нескольких шагах отсюда в маленьком открытом, вымощенном плитами дворике находятся «Золотой фонтан» и «фонтан Слез». Эти два похожих друг на друга грациозных фонтана, один из которых был увековечен Пушкиным, оказались очень неудачно расположенными. Они представляют собою вытянутые каменные блоки с мастерской отделкой, особенно той части, где вода циркулирует среди множества маленьких, симметрично расположенных резервуаров, соединенных между собой миниатюрными свинцовыми трубками, заставляющими воду капать капля за каплей, как слезы. Фонтан Марии Потоцкой, или фонтан Слез, имел еще одно название до того, как Пушкин очень поэтично окрестил его. Он назывался Сельсибиль. «Здесь, — гласит надпись, — в садах рая верующие вкусят воду из источника, названного Сельсибиль». И далее: «Если есть еще один такой фонтан, пусть он заявит о себе. Города Дамаск и Багдад повидали многое на своем веку, но они еще никогда не видели такого красивого фонтана...»

Что касается меня, то я горько упрекаю Сельсибиль в том, что он не такой, каким я его себе представлял в своих мечтах: укрытый тенью больших деревьев и кустарников фонтан, в хрустальную воду которого сбрасывают соловьи лепестки флоксов, стебельки вербены и листики роз... Этот голый вестибюль, вымощенный плиткой, как заурядный тупичок, это открытое небо, солнце которого заливает своим светом соседние постройки и... Сельсибиль, здесь, приткнутый, как нищенка, застывшая у холодной, голой стены. Еще я посещаю кафе, посольскую галерею, очень удивительный ханский золотой кабинет с искусственными цветами в витринах, скульптурными фруктами и с надписями, воспевающими красоты этого дворца и садов: «Этот дворец, ханская радость, осветил Бахчисарай, как луч солнца». «При виде живописной картины этой резиденции тебе кажется, что ты созерцаешь полную очарования обитель гурий. Можно сравнить это с морской жемчужиной, со знаменитым бриллиантом». «Посмотри — вот объект, достойный золотого пера! Тот, кто любит розы и соловьев, будет валяться от счастья в пыли этого сада, если ему повезет увидеть этот дворец».

Покидая это место, мы пересекаем еще один сад, над которым всей своей тяжестью нависает мощная высокая крепостная стена. За ней находится гарем, ранее сообщавшийся с дворцом внешней, в свое время разрушенной галереей, следы которой видны и сегодня. В этом саду с грустной влажной тенью от тюремной стены я замечаю восхитительные ореховые деревья, красивые тополя и прекрасные сливовые деревья с большими, как апельсины, янтарными сливами. Гарем сегодня лишен не только женщин, но и мебели, поэтому без какого-либо интереса я пробегаю по маленьким низким комнаткам, где нет ничего, ни малейшего обрывка ткани, даже запаха, напоминающего о прошлом. Большой деревянный павильон возвышается над оградой этого места заточения. Кажется, именно здесь хан держал своих охотничьих соколов.

Внутренний вид большого сада. Рисунок Будье

Мне остается только посетить так называемый «музей дворца»

При дневном свете я переступаю порог изразцово́й деревянной двери, прохожу вдоль галереи, пересекаю большие пустые комнаты, еще один садик и, поднявшись по узкой лестнице, попадаю, наконец, в абсолютно невзрачный музей с муляжами скульптур и надписей, обнаруженных во дворце и его окрестностях. Еще я увидел здесь кучу прекрасных тканей и одежд из бархата и шелка. Все это свалено в кучу в шкафу, как в артистической уборной после спектакля.

Смотреть больше нечего, но уходить мне не хочется. Я выкуриваю еще одну сигарету, облокотившись на балюстраду маленького балкона, откуда открывается вид на весь дворец, который, должно быть, являлся прекрасной летней резиденцией со всеми своими, разбросанными среди садов, одноэтажными зданиями с элегантными печными трубами под колпаком. Сегодня в следствие многочисленных неумелых реставраций от этого дворца веет печалью развалин.

Мадам Кравен пишет о Бахчисарае за год до его посещения Екатериной II: «Ханский дворец был весь в развалинах, но губернатор приказал вновь отстроить, покрасить и позолотить его, чтобы он стал жильем для императрицы во время ее пребывания здесь».

Таким образом, лишь наивные люди полагают, что посещают сегодня в Бахчисарае настоящий древний дворец крымских ханов. Несчастный дворец! Самые красивые его фонтаны теперь лишены воды, в дальних углах его садов попеременно с цветами растет крапива, а на высохших бортиках бассейнов, где ранее купались женщины из гарема, противные пауки плетут паутину. Напротив дворца, позади большой мечети находится сухой склон, где покоятся ханы и знатные вельможи двора. В этом месте, утыканном могильными плитами с тюрбанами, выделяются две восьмиугольные конструкции под куполами. Именно здесь похоронены ханы, начиная с Ислам-Герая, умершего в 1647 году, и кончая Крым-Гераем, почившем в 1788 году. В верхней части кладбища, почти за его оградой высится грациозный мавзолей Диляры Бикез, на котором высечены следующие строки: «Да пребудет божья милость с Дилярой! Молитесь за душу Диляры!»

Эта молодая черкесская княгиня-христианка, будучи фавориткой хана Крым-Герая, кажется, много страдала от жестокой ревности своих подруг по гарему. Но, четверть века спустя после ее смерти, ей посчастливилось вдохновить поэта, воспевшего эти трагические, покрытые тайной, интриги гарема. Этого поэта, очень известного во Франции и, особенно, в Париже, где он скончался, звали Адам Мицкевич. Вскоре он стал ревновать героиню своих стихов куда больше, чем сам Крым-Герай. И вот у Мицкевича Диляра становится Марией Потоцкой, родом из близкого его польскому сердцу Подолья.

Это превращение ранит мое сердце, так как Черкессия — такой красивый край, а Диляра — такое красивое имя!

Но все это не так важно, потому, что, благодаря поэту, эта любовная драма пережила века и превратила этот дворец в место паломничества, заставляющее трепетать мое сердце.

Да будет благословен поэт, откуда бы ни была родом героиня его произведений, какое бы имя она ни носила!..

Рано утром я сижу на балконе и пью чай, ожидая Брянцева и экипаж для прогулки по окрестностям. Восходящее солнце освещает розовым цветом меловые горы, а посередине тихой улочки проходят несколько мужчин, груженных фруктами.

Стоя на коньке соседней крыши, какой-то татарин пронзительно выкрикивает непонятные слова и машет зеленым платком. Это, согласно обычаю, рабочий предупреждает друзей и знакомых хозяина о том, что сейчас начнут крыть крышу постройки, и поэтому настало время нести дары, чтобы жизнь в этом доме была счастливой.

Вскоре появляется крепкий фаэтон с возчиком- татаринном, а внутри него я узнаю Брянцева по его головному убору, блестящему на солнце, как каска. Мы выезжаем из Бахчисарая, следуя по восточной стороне вдоль главной улицы по разбитой мостовой, камни которой отлетают от колес в разные стороны. Наверху справа и слева — все те же облезлые откосы, иногда прерываемые большими черными дырами пещер. Внизу — сады, ветви деревьев которых я могу тронуть рукой, фонтаны, струи которых иногда обрызгивают нас. Затем зелень становится реже, а дома беднее. Мы проезжаем цыганский квартал.

Стоянка цыган. Гравюра Базена

Действительно, женщины и дети у цыган очень красивы. Это милая, дикая, завораживающая красота, красота газели. У них, обычно, кукольные ноги и руки цвета старой слоновой кости, талия с волнующими линиями и вместе с тем миниатюрное личико, которое можно скрыть за ладонью руки, но глаза, зубы и губы которого наполнены чарующим жарким светом. Я заметил там, у ручья мальчонку, разгрызающего своими молочными зубами скорлупу зеленого ореха. Он мне улыбнулся, и это был без преувеличения огненный взгляд, осветивший жемчужно-коралловую улыбку.

У подножья этой слободы, имеющей, в общем- то, грустный и малоопрятный вид, среди деревьев я замечаю семинарию, основанную Менгли-Гераем, вторым крымским ханом, мавзолее которого находится совсем рядом. И некоторое время спустя мы попадаем во владения Успенского монастыря.

Дорога к Успенскому монастырю. Рисунок Будье

Успенский монастырь. Чуфут-Кале

Дорога бежит между большими деревьями, и вот, в глубине небольшой долины мы замечаем утопающие в зелени монастырские постройки: мастерские, конюшни, теплицы, молочные фермы и пасеки. А далее — маленькое кладбище, на котором захоронено несколько героев Севастопольской кампании. Вскоре, подняв голову, мы обнаруживаем выбитый в крутой скале монастырь с деревянными галереями над пропастью.

Успенский монастырь. Рисунок Тэйлора

Чтобы достичь этих орлиных гнезд, высеченных в белом камне и внешне связанных между собой мостиками и балкончиками, нависающими над пропастью, необходимо преодолеть лестницу в 480 ступенек. И вот, согнувшись, мы проходим сквозь нескончаемую вереницу каменных ячеек. Здесь есть часовни, молельни, капризное переплетение сводчатых лестниц и коридоров, - настоящая работа моллюсков, буравящих камень. Наконец, мы попадаем в

последний грот, где хранится чудесная икона, прославившая это место. Проходя по монастырю, я встретил множество монахов, этаких черных шершней в каменных ульях. Какое грустное выражение лица у этих худых, грязных троглодитов с их бесполыми, отталкивающими манерами! Можно сказать, что камень этих келий обесцветил их бледные лица и сделал их сердца такими же каменными. Выходим из монастыря, минуя красивый фруктовый сад, деревья которого настолько огромны, настолько запутанны, что, поднимаясь к небу и к солнцу, они по-братски переплетаются и смешивают плоды в совершенно неожиданных сочетаниях: персики как бы растут на ореховых деревьях, орехи — на сливовых деревьях, а абрикосы — на вишневых.

После садов Успенского монастыря долина продолжается, но, поднимаясь вверх, она сужается и переходит в, увы, лишенную растительности, каменистую балку. Над ней с одной из сторон нависает горный риф, увенчанный крепостной стеной Чуфут-Кале. Тропинка пустынна. И только один татарин в красной рубахе, сидящий там, высоко на старой стене у ворот, вносит живую красочную ноту в этот унылый пейзаж.

Чуфут-Кале. Рисунок Тэйлора

Отправив свой экипаж к подножью Тепе-Кермен, где он будет ожидать нас, мы начали подъем пешком по дороге, ведущей к воротам в Чуфут-Кале. Сначала мы идем по крутому склону, по серой, сухой земле, усыпанной плоскими сверкающими камнями и маленькими пустыми, выбеленными солнцем, ракушками улиток. Затем, достигнув белой скалы, мы выходим на вымощенную дорогу с канавкой, по которой дождевая вода стекает из города в балку. Туфли и железный наконечник трости скользят по этой старой дороге, приспособленной к босым ногам или к мягкой подошве сандалий. Кажется, что идешь по полированному зеркалу, отблески которого ослепляют тебя.

Наконец, дорога резко изгибается и некоторое время проходит в тени горы. И вот мы у ворот в Чуфут-Кале. Их нам открывает тот самый татарин в красной рубахе, которого мы заметили еще снизу. Эти деревянные ворота полностью покрыты узкими полосками из металла. Они выходят на квадратную лестницу, и, миновав несколько ступенек, мы попадаем на плато в Чуфут-Кале.

Чуфут-Кале (Иудейская крепость) долгое время была населена караимами, интернированными сюда и на Мангуп крымскими ханами, разрешившими им в виде исключения проживание в татарском крае при соблюдении жестких условий. Путешественники, посетившие Крым в первой четверти этого века*, еще застали в этом городе оживленные улицы, заселенные дома, синагоги, наполненные гомоном молитв, тропинку, ведущую к фонтану, где в разное время суток пересекались маленькие ослики, груженные водою; северную часть плато, где еще подкармливали последних оленей, предназначенных в прошлом для ханской охоты.

Сегодня этот город полностью покинут. Его улицы, прорытые в известняке, молчаливы и пустынные. Здесь на камнях виднеются глубокие следы колеи, покрытые коричневым мхом. Все дома сохранились, но они выглядят еще более мрачными, чем развалины: хлопающие на

ветру двери, насквозь просматривающиеся пустые комнаты, печи, из которых уже никогда не поднимется дым. В подавленном состоянии, с комком в горле бродишь среди всего этого, сохранившего необъяснимый отпечаток исчезнувшей жизни. Это похоже на еще теплое мертвое тело: все время надеешься, что оно сделает движение, подаст знак воскрешения.

Брянцев ведет меня к Иогонадаву Ароновичу Малецкому, караиму, которому соплеменники поручили охранять Чуфут-Кале и показывать его путешественникам. Этот человек живет в этой пустыне посередине главной улицы, ограниченной с одной стороны рядом домов, а с другой — крепостной стеною, зубцы которой обращены к пропасти и к небу. Через низкую дверь мы проникаем в большой двор, где, сидя на земле в тени

дома, несколько женщин ритмично ударяют в медные чаны, звенящие как колокола. Поднявшись по маленькой лесенке со скрипящими под ногами ступенями, мы попадаем в галерею, в глубине которой сидит мужчина в очках и спокойно читает толстую книгу на иврите. Заметив нас, он встает и идет нам навстречу с приветствиями и услужливой улыбкой. Есть что-то церковное в этом маленьком седоватом человечке с редкой бородкой, крючковатым носом и с очками, поверх которых его взгляд рассматривает вас с ног до головы, избегая ваших глаз.

Он сразу же провел нас в гостиную: большую, низкую, очень чистую комнату, уставленную по краям диванами. На стене — маленькая рамка с визитными карточками посетителей. Мы садимся за стол, на котором лежит предмет, покрытый шелковой золотистой тканью. Это серебряная игольница очень тонкой работы, подаренная в 1841 году Караимскому обществу Чуфут-Кале императрицей Александрой Федоровной. Иогонадав Малецкий показывает нам этот ценный дар, подчеркивая его внешние и скрытые красоты. Затем, как священник набожно покрывает церковную чашу, так Малецкий вновь накрывает тканью игольницу. Он направляется в угол комнаты к широкому желтому сундуку и дрожащей рукой открывает его. Оттуда он достает очень богатый футляр из ценной породы дерева, инкрустированный золотом, перламутром и эмалью разных цветов, с маленькими золотыми столбиками, окаймляющими нервюры с восьми сторон и связывающими элегантно филигранные гирлянды, на которые ниспадают переплетенные ветви большого цветущего чертополоха. Этот футляр открывается с середины в направлении его длины, и с каждой стороны сворачивается и разворачивается по желанию, намотанная на два подвижных серебряных цилиндра, очень почитаемая в среде караимов рукопись Пятикнижия. Данная рукопись, датируемая серединой XVI века, к сожалению, не обладает древним видом: черные свежие чернила, слишком целый пергамент... Как бы то ни было, этот рулон папируса, долгое время хранящийся в Евпатории, год назад был перевезен сюда. Это последнее сокровище уходящего народа, и я прикасаюсь к нему со святым трепетом.

Караимы, или карайты являются, так сказать, евреями — протестантами, признающими только письменную Тору и отвергающими талмудические комментарии. Говорят, что их еще можно встретить в Египте, Херсоне, Волыни и в Литве, где, согласно переписи 1791 года, насчитывалось 4296 караимов. Некоторые историки полагают, что в прошлом веке они были изгнаны из Испании с помощью тайных происков раввинатской партии. Что касается меня, то я считаю, что эти караимы — последние потомки тех хазар, что долгое время владели Крымом и были выбиты оттуда Святополком в 1016 году. Будучи христианами до 858 года, они приняли затем иудаизм... Караимы стали покидать Чуфут-Кале во время русской колонизации Крыма, давшей им возможность свободного перемещения по полуострову. И тогда они расселились, в основном, в Карасубазаре*, в Феодосии и, особенно, в Евпатории.

Последнего жителя Чуфут-Кале звали Авраам Фиркович. Это был караимский ученый, с удовольствием занимающийся археологией и палеографией. Но, быстро осознав, что последняя наука способствует росту доходов от разного рода выгодных мистификаций, Авраам без стеснения, используя скребок и лак, дошел до французской Академии надписей и беллетристики. Он умер в 1874 году в возрасте восьмидесяти восьми лет. Семья его рассеялась по Крыму, а Чуфут-Кале опустел. Мы пересекаем эту сахарскую пустыню с ее открытыми домами, душа

*Речь идет о XIX веке. (от переводчика)

которых покинула их, с ее большими, наполненными эхом, дворами, с ее длинными улочками, в глубине которых все время надеешься встретить кого-нибудь. Мы посещаем две синагоги, примечательные лишь маленьким садиком у входа, где отмечали когда-то праздник Дарохранительниц и в котором находятся очень древние могилы двух или трех раввинов, почитаемых за их редкие добродетели. Затем мы спускаемся в подземные комнаты, окна которых выходят в пропасть, со всех сторон окружающую Чуфут-Кале, точно так же, как море окружает коралловый риф. Чтобы выйти из города, мы направляемся к югу, где раньше находился главный вход. По дороге мы останавливаемся у мавзолея Ненкеджан-Камин, дочери Тохтамыш-хана. Где-то в XIV веке молодая княгиня была похищена и помещена в эту крепость татарским князем, имя которого не дошло до наших дней. В те времена Чуфут-Кале, называвшееся «Киркова», или «Киркиелия», было населено генуэзцами и татарами, разрушенную мечеть которых мы видим перед собой. Камни от этой мечети с их надписями можно заметить также в стенах караимских домов. Легенда, возможно правдивая, рассказывает о том, что хан Тохтамыш сам пустился в погоню за своей дочерью. Приблизившись к закрытой крепости, он с горечью увидел, как та, которую он намеревался освободить, стоя на крепостной стене, с любовью прильнула к своему похитителю. В гневе и бешенстве от душевной боли, он зарядил свою пращу и попал прямо в сердце своей дочери. Видимо, чтобы увековечить это событие, над главными воротами помещена мраморная плита, на которой можно еще различить грубое изображение пращи и двух камней внутри сердца. Могила этой несчастной княгини — самое красивое, что есть в Чуфут-Кале.

Караимка

Я уношу тяжелое впечатление от посещения этого города, который в течение многих веков видел на своих улицах стайки счастливых детей, подростков и девственниц, щебечущих о любви, видел целый народ, работающий, любящий, поющий, молящийся. Старики, сидящие под солнцем и приглаживающие свои белые бороды,

* Сегодня — Белогорск. (от переводчика)

повторяли фразу: «Жить здесь или умереть». А теперь — смерть, самая мрачная смерть под этой общей могилой. Я кажется прислушиваюсь к сердцу мертвеца, — таким вечным кажется это молчание, давящее на все эти немые крыши, на все эти пустынные улицы.

Главный вход в Чуфут-Кале. Гравюра Базена

Графиня де Ламотт-Валуа. Её смерть в Крыму

Лет десять назад, спустя несколько дней после моего приезда в Крым, я остановился проездом в Судакской долине, одной из самых привлекательных долин Крыма. Здесь волею случая познакомился с одной французской семьёй, братом и двумя сёстрами. Брату, самому младшему из трёх, было шестьдесят лет, старшей сестре было семьдесят пять. Она попала в Крым в возрасте трёх месяцев. Эта женщина охотно беседовала со мной, и мне нравилось слушать её необычные рассказы. Она мне рассказывала о первых пиратах — поселенцах русского Крыма, приехавших с несколькими барашками и с парусиновой тканью, служившей им палаткой, которую они разбивали посреди безмолвных крымских степей. Здесь они покупали у напуганных и бедных татар за барашка и за несколько рублей участок или домик; а то, что они не могли купить, «присваивали» себе, совершая преступления, о которых говорят и поныне, но шёпотом... Она мне поведала о Старокрымском ханском дворце сохранившиеся помещения которого за гроши отдали в наём её родителям.

Старушка пыталась передать мне свои детские ощущения от её игр среди этих огромных развалин, пропитанных ароматами Востока. Но особенно внимательно слушал я её, когда она рассказывала о том, как видела у своих родителей княгиню Голицину и баронессу Бергхайм, дочь господина де Крюденера. Иногда она добавляла: «Я отчетливо помню, как однажды видела у нас в семье в 1825 году некую мадам де Ламотт-Валуа, наследницу наших королей; но я смутно помню её черты...». При этих словах, зная из истории, что госпожа де Ламотт умерла в Лондоне 23 августа 1791 года, каждый раз я молчаливо недоумевал. Старушка продолжала свою легенду, а мне на память приходили слова Шатобриана: «У жизни есть два детства, но у неё нет двух весен».

Моя прекрасная судакская соотечественница пробудила во мне желание побывать в Старом Крыму. И вот я здесь. Увы. Что осталось от несравненной Солхаты, воспетой армянскими поэтами? Что осталось от ханской столицы, где сами египетские султаны намеревались возвести мечеть с порфировыми сводами? Что осталось от стамбульской соперницы, лучшие золотоордынские наездники которой не могли в своё время объехать её менее, чем за полдня? Ничего, почти ничего: на месте древних укреплений широкие овраги, полные степных ветров, неумело отреставрированная старая мечеть и след, лишь только след от древних дворцов, осквернённых кощунственной рукой тех, кто разобрал их на постройку своих убогих развалюх.

Устав от многочасовой прогулки, я присел отдохнуть в саду одного армянского гончара. Его старый отец подсел ко мне и завёл замечательные рассказы о прошлом. И вдруг он мне говорит: «Здесь жила госпожа Гаше, бывшая французская королева, украшая, кажется, какое-то ожерелье у себя на родине. Я был ещё совсем маленьким, и она часто звала меня к себе, чтобы поиграть при солнечном свете с огромным бриллиантом на золотой цепочке, которую она крутила перед моими глазами. Я был восхищён и жмурился от этого блеска... Когда она умерла, а умерла она здесь, и её начали раздевать, чтобы омыть тело по здешним обычаям, то заметили на её плечах следы двух слабо различимых букв».

На этот раз после слов старика я крепко задумался, глядя рассеянным взором на сына гончара, лепившего свои изделия. Я сказал себе, что было бы очень странно, что имя и история героини процесса об ожерелье стали так известны в Крыму во времена, когда здесь жили, в основном, татары и невежественные греческие рыбаки, что этому должно быть найдено какое-то объяснение, что мне, вероятно, будет интересно разыскать эту причину, ведь великий поэт назвал историю большой обманщицей. Я быстро распрощался с армянином, который, вероятно, в этот день нашёл меня очень озабоченным.

Наконец в 1894 году, лучезарным летним утром, во время путешествия по Крыму, описанного мною, на следующий год*, я сидел под великолепным платаном, где Пушкин написал, кажется, несколько своих лучших стихотворений. Завидя невдалеке татарина, я спросил у него, есть ли здесь ещё что-нибудь интересное для осмотра. «Здесь ты всё посмотрел», -- сказал он мне. Затем, указав на север, он произнёс: «В нескольких верстах отсюда, в Артеке есть дом, где жила госпожа Гаше, женщина, укрывшая у своей королевы прекрасное ожерелье. Когда она умерла, на её спине обнаружили две большие буквы».

Эти слова окончательно нацелили меня на поиски, уже давно занимавшие мои мысли.

Я начал искать документы, на которых основывалось утверждение о том, что графиня де Ламотт умерла в Лондоне 23 августа 1791 года, дав себе слово, что при первом же неопровержимом доказательстве ее смерти прекращу всякие поиски.

В первую очередь речь идет о мемуарах господина де Ламотта, описывающего это событие. Перед нами романтический рассказ, полный абсурда и неправдоподобности, где мы можем прочесть о том, что женщина с переломанным в двух местах ребром, с раздробленной левой рукой, с выбитым глазом и многочисленными ушибами пишет или диктует письмо, в котором она сообщает о том, что ее перевозят в деревню, и далее без всякого перехода говорится:

“Так в возрасте тридцати четырех лет умерла женщина, жизнь которой представляла собою сплошные беды и горести”.**

Впрочем, эту версию в то же самое время опровергает аббат Жоржель, утверждавший, что госпожа де Ламотт трагически погибла во время очередной оргии.***

С другой стороны, в статье “Курьера Франции”, датированной 30 мая 1844 года, говорится: “Утверждают, что знаменитая госпожа де Ламотт, сыгравшая такую прискорбную роль в деле о бриллиантовом ожерелье королевы Марии-Антуанетты, приговоренная к клеймению плеча, высеченная на улицах Парижа, пожизненно заключенная в Сальпетриер и бежавшая оттуда, недавно скончалась в возрасте восьмидесяти лет”.****

Видя, что не существует ни одного документа, который мог бы служить основанием хотя бы для намека о неоспоримости исторического факта о времени и месте смерти госпожи де Ламотт, я вспомнил свою добрую старую соотечественницу из Судака, моего татарина из Гурзуфа и проникся серьезностью по отношению к этим удивительно сочетающимся между собой свидетельствам трех людей разной национальности, разного уровня воспитания, живущих в разных точках Крыма, которые однажды без всякой задней мысли, не сговариваясь, рассказали мне об одном и том же событии, происшедшем в эпоху, когда, повторяю еще раз, Крым в основном заселяли беззаботные греческие рыбаки и татары.

Я был твердо убежден в своей новой гипотезе, когда ко мне поступило несколько документов на русском языке, важность которых, без сомнения, оценит читатель. В номере 28 за 1882 год литературно-политического журнала “Огонек” были частично опубликованы воспоминания некой баронессы Марии Бодде, о которой мне часто рассказывали в Судаке.

В своих интересных воспоминаниях, опубликованных в последнем томе “Русских архивов”, баронесса Бодде рассказывает о дамском обществе, сформировавшемся в Крыму в 1820-1830 годах. Мы позаимствуем последние строчки из этих воспоминаний, относящиеся к графине де Ламотт:*****

“Самой привлекательной женщиной этого общества, благодаря своему прошлому была графиня де Гаше, урожденная Валуа, графиня де Ламотт после первого замужества, героиня процесса об ожерелье королевы.

* “Путешествие по Крыму. Южный берег.” Кальман Леви. 1895 г.

** Неизданные мемуары де Ламотта, опубликованные Луи Лакурром. стр.196

*** Мемуары аббата Жоржеля. Том II, стр. 209

**** Подсчеты “Курьера” ошибочны. Учитывая тот факт, что графиня родилась в 1756 году, в день смерти ей было бы почти 90 лет.

***** Здесь и далее -- перевод с французского. (От переводчика)

Я была совсем еще ребенком, когда все это общество собиралось у моих родителей, но я никогда не забуду ни высохшую, уродливую княгиню Голицину, ни, особенно, графиню де Гаше. Не знаю почему, но меня поразила эта женщина, хотя только позже узнала я ее знаменитую историю. Я вижу ее перед глазами, как будто это было только вчера: старенькая, среднего роста, хорошо сложенная, одета в редингот из серого сукна. Ее седые волосы украшает черный велюровый берет с перьями. Черты лица не мягкие, но живые; блестящие глаза создают впечатление большого ума. Она обладала живыми и пленительными манерами, изысканной французской речью. Чрезвычайно вежливая с моими родителями, она могла быть насмешливой и грубой в компании друзей, властной и высокомерной со своей французской свитой, несколькими бедными французами, смиренно прислуживавшими ей.

Многие перешептывались по поводу ее странностей и намекали на тайну ее жизни. Она это знала, но хранила свой секрет, не отвергая и не подтверждая домыслы, часто как бы случайно спровоцированные ею же самой в ходе светских бесед. Что касается в основной своей массе легковверных местных жителей, низших слоев общества, то она любила навязывать им эти предположения с помощью загадочных намеков. Она рассказывала о графе Калиостро и о других разных представителях двора Людовика XVI, как будто эти люди входили в круг ее личных знакомств; и еще долго из уст в уста передавалось содержание этих разговоров, служа темой для сплетен и разного рода комментариев.

Она хотела купить в городке Старый Крым сад, принадлежавший моему отцу. Эта собственность подходила по всем статьям такой загадочной персоне, как она. За этот сад мой отец просил три тысячи пятьсот рублей. Сначала отец не хотел ей уступать, надеясь выгодно продать эту собственность кому-либо из многих иностранцев, приехавших в Крым. Но купив в Судаке землю под виноградник, имея нужду в деньгах для обустройства участка, он написал графине, что согласен с ее ценой. Графиня увильнула от прямого ответа и предложила две тысячи рублей. Отец рассердился, но через три или четыре месяца согласился. Графиня же опять изменила свое решение и предложила лишь тысячу пятьсот рублей. В то же самое время, живя в хижине близ сада, о котором шла речь, она отгоняла покупателей, заявляя им, что уже приобрела его.

Эта история длилась уже около года, когда однажды утром мы были крайне удивлены, увидев в нашем дворе несколько повозок, груженных вещами. Посыльный передал моему отцу письмо от графини. Она писала, что, будучи больной, находясь при смерти, она раскаивается в том, что нанесла отцу материальный ущерб, помешав ему выгодно продать свою собственность. Она просила простить ее и принять в качестве компенсации и заверения в искренней дружбе несколько предметов, а именно: прекрасный туалетный столик для моей мамы, итальянскую гитару для меня и великолепный книжный шкаф для моего отца. Не зная чем объяснить такое поведение и опасаясь, с другой стороны, оскорбить графиню отказом, отец послал ей ящик своих лучших вин, равноценных ее подаркам, и обещал ей, как только она выздоровеет, вернуть ей вещи. Она действительно выздоровела, но даже и слушать не хотела о возврате подаренного.

С этого момента наши отношения стали дружескими. Отправляясь в Феодосию, проезжая через старый Крым, мой отец всегда останавливался у графини. Он вел с ней долгие беседы, полные интересных наблюдений, больших познаний о мире и некоторой таинственности. Графиня привязалась к моему отцу. Он был таким же эмигрантом, как и она, и, несмотря на свою молодость, на то, что во время той страшной эпохи был еще ребенком, он мог ее понять: ведь у них были общие воспоминания, общие беды и одна и та же страна.

Однажды мой отец получил письмо от графини. Она писала, что больше не хочет жить в Старом Крыму, что хотела бы переехать в Судак и быть нашей соседкой, что была бы рада общаться с образованными людьми, а не с полудиким, надоевшим ей местным населением. Кроме того, она обещала передать моему отцу много интересных и полезных сведений, помочь моей маме по хозяйству и способствовать моему светскому воспитанию. Вследствие этого она просила отца снять для нее домик с садом и со служебными постройками. Однако цена, которую она назначила, была такой мизерной, что подыскать что-либо на таких условиях было

невозможно. Как бы там ни было, мой отец живо заинтересовался этим делом, предложив графине построить по ее проекту на нашей земле домик, где бы она бесплатно проживала. Он надеялся компенсировать свои затраты теми преимуществами, которые я могла бы получить от общения с такой благовоспитанной женщиной, повидавшей столько всего на свете. Отец поделился своим планом с мамой. Она не возражала. Образованные люди в Крыму были такой редкостью, что за ними ходили толпами и оспаривали друг у друга право принять их у себя дома. Как только графиня с радостью одобрила предложение моего отца, мы приступили к постройке домика. Это было в конце осени. К весне дом был почти готов, когда нарочный сообщил отцу о том, что графиня тяжело больна и просит его приехать к ней. Отец тотчас же отправился в путь, но не застал графиню в живых. В своем завещании она назначала его своим душеприказчиком. Ее служанка-армянка рассказала только о том, что, почувствовав себя плохо, графиня всю ночь перебирала и сжигала свои бумаги, что она запретила после своей смерти раздевать ее и требовала похоронить в том, в чем она была одета. Графиня также сказала, что, возможно, произойдет ее перезахоронение, что вокруг ее погребения будет много споров и разногласий. Однако это предсказание не сбылось.

По решению местных властей, в связи с отсутствием католического священника, она была похоронена русским православным и армянским грегорианским священниками. Могильная плита не тронута до сих пор.

В связи с тем, что графиня редко кого допускала к себе, одевалась всегда сама одна, используя слуг лишь на кухне и на других хозяйственных работах, ее служанка мало чем могла удовлетворить всеобщее любопытство. И только во время осмотра и омовения она заметила на спине своей хозяйки два ясных следа от раскаленного железа. Эта деталь подтверждает все предыдущие предположения, так как известно, что госпожа де Ламотт была приговорена к клеймению и, несмотря на то, что она отбивалась от палачей, клеймо, хотя и нечеткое, все же было выжжено.

Едва правительство узнало о смерти графини, как от графа Бенкендорфа прибыл курьер, потребовавший закрытую шкатулку.

Эта шкатулка незамедлительно была доставлена в Санкт-Петербург. В те дни губернатор Тавриды признался моему отцу, что ему было поручено наблюдать за этой женщиной и что она действительно была графиней де Ламотт-Валуа. Что касается фамилии де Гаше, то она взяла ее, выйдя замуж за одного эмигранта где-то в Англии или в Италии. Эта фамилия должна была ее охранять и служить ей щитом.

Она долго жила под этим именем в Петербурге. В 1812 году де Гаше приняла русское подданство, так как никто не подозревал о ее настоящей фамилии. В Петербурге в числе ее знакомых была одна англичанка, придворная дама госпожа Бирх. Она не подозревала о печальной славе своей протеже, а интересовалась ею исключительно как одной из жертв Революции, вынужденной самой зарабатывать себе на хлеб. Возвратившись однажды от графини де Гаше, госпожа Бирх узнала, что ее разыскивает императрица Елизавета Алексеевна.

На следующий день придворная дама принесла императрице извинения за свое отсутствие. Последняя спросила у нее: “Где же Вы были?”

-- У графини де Гаше.

-- Кто это такая, графиня де Гаше?

Госпожа Бирх ответила, что это французская эмигрантка, и она попыталась заинтересовать императрицу судьбой своей протеже. В это время вошел император Александр. При упоминании де Гаше он воскликнул: “Как, она здесь? Сколько раз меня спрашивали о ней, и я утверждал, что она находится вне пределов России. Где она? Каким образом вы узнали о ней?”

Госпоже Бирх пришлось рассказывать все, что она знала. “Я желаю видеть ее, -- сказал император, -- приведите завтра ее сюда“.

Госпожа Бирх сразу же передала этот приказ графине, которая воскликнула: “Что вы наделали?.. Вы меня погубили... Зачем было говорить императору обо мне? Тайна была моим

спасением. Теперь он выдаст меня моим врагам, и я погибну“. Она была в отчаянии, но вынуждена была подчиниться.

На следующий день в назначенный час в сопровождении госпожи Бирх она появилась в апартаментах императрицы. Подойдя к графине, император сказал ей: “Вы носите не свою фамилию. Назовите мне вашу настоящую девичью фамилию“.

-- Мой долг повиноваться Вам, сир, но я назову свою фамилию только Вам без свидетелей.

Император подал знак, и императрица вышла вместе с госпожой Бирх. Более получаса оставался император с графинею, которая вышла затем успокоенная и удивленная доброжелательностью Александра I. “Он пообещал сохранить мою тайну”, -- вот все, что она сказала госпоже Бирх, от которой я узнала все эти детали. Вскоре графиня де Гаше отправилась в Крым“.

Но вернемся к эпизоду смерти графини.

Деньги, вырученные от продажи ее вещей, в соответствии с завещанием, были отправлены во Францию в город Тур некоему Лафонтену, с которым мой отец завязал переписку, но который своими уклончивыми ответами так и не дал понять, знает ли он настоящее имя графини, которую он называл просто “моя почтенная родственница“.

На аукционе отец купил большую часть вещей графини. Но тщетно мы пересматривали все полочки, все потайные ящички, — ни один клочок бумаги не выдал нам так тщательно скрываемую тайну. Император Александр, граф Бенкендорф, губернатор Нарышкин, -- все, кто ее знал, уже в могиле. Князь Воронцов, госпожа Бирх, мой отец тоже скоро отправятся в мир иной, унося с собой свои секреты.

Судьба этой женщины покрыта непроницаемой завесой тайны. Она исчезла так же, как исчезло знаменитое соблазнительное ожерелье, бывшее причиной падения графини и смерти несчастной королевы Марии-Антуанетты. Еще долго писатели будут говорить о Жанне де Валуа, но никому не придет в голову навестить на забытом церковном кладбище Старого Крыма ее одинокую могилу“.

Глубоко потрясенный этим рассказом, я тотчас отправился проверить эти сведения в Судак, к моей соотечественнице, которая, будучи ближайшей соседкой барона Бодэ, часто рассказывала мне о нем. Я попросил ее вновь рассказать мне все, что она знала об этом деле. Она почти слово в слово повторила мне содержание этой статьи. Читатель, без сомнения, оценит это совпадение, тем более что у меня есть тысяча причин, чтобы быть убежденным в том, что моя знакомая не имела ни малейшего понятия о содержании журнальной статьи. Таким образом, оба свидетельства — и устное, и письменное, -- подтверждали друг друга.* Наконец, в своих “Мемуарах о прошлом“, опубликованных в “Русском вестнике“ за июль 1889 года, анонимная госпожа Ольга писала: “Что касается французской революции, то несколько пожилых крымчан рассказали мне, что в третьем десятилетии этого века княгиня Голицина, в первом замужестве княгиня Суворова, обосновавшись с семьей в окрестностях Ялты, поручила воспитание своих детей одной француженке. Эта француженка прекрасно помнила все о дворе Людовика XVI в таких деталях, как мог говорить только очевидец всего этого. Все были уверены, что это эмигрантка, скрывающая свою истинную фамилию. Ее служанка всегда говорила, что эта женщина никогда не раздевалась в ее присутствии и при этом закрывалась на ключ в своей комнате. Эта деталь вызвала любопытство у ее прислуги, которая полагала, что гувернантка скрывает какой-то телесный дефект. Однажды, передавая своей госпоже платье, служанка подсмотрела в замочную скважину и увидела на плече старой гувернантки след от клейма палача. Испугавшись этого открытия, она поспешила поделиться со своими хозяевами, которые начали строить ужасные предположения по этому поводу. Француженка охотно ответила на все

* В своем приложении от 11 марта 1895 года “Новое время“ опубликовало без ссылки на источник информации рассказ о пребывании госпожи Гаше в Петербурге и в Крыму, совпадающий с “Воспоминаниями“ баронессы Бодэ.

вопросы, адресованные ей по поводу событий восемнадцатого века, но как только разговор коснулся грустной истории об ожерелье королевы, она приумолкла и умело уклонилась от этой темы. С тех пор Голицины не могли отделаться от мысли, что под их крышей живет знаменитая Ламотт-Валуа“.

С помощью этих сведений нам кажется возможным восстановить одиссею госпожи де Ламотт.

История оставила ее в Лондоне во власти тех, кто, надеясь превратить ее в орудие мести, пытался склонить эту женщину к написанию оскорбительных для королевы мемуаров. С этого момента мы не должны забывать о том, что госпожа де Ламотт как в физическом, так и в моральном плане, находилась под впечатлением недавних событий: она увидела, как бесчеловечно поступили с ней, ее публично бичевали, она отчаянно отбивалась от грубых рук палачей, она до дна испила чашу стыда и несправедливости, она вблизи увидела всю животную жестокость человека, и ее психическая и нервная система оказались окончательно подорваны. Как жертва пожара еще долго при малейшем отблеске света думает только о катастрофе, так и высеченная кнутом в Консьержери беглянка из Сальпетриер повсюду видит лишь только ловушки и палачей. Поэтому, естественно, у нее появляется идея-фикс: бежать подальше, еще дальше, чтобы тебя навсегда забыли. Однако Лондон не годится для этого, он находится слишком близко от Франции. Госпожа де Ламотт скоро убеждается в этом.

Она со всех сторон окружена всякого рода просителями: это де Колонн, настроенный против королевы, Полиньяки, пытающиеся нейтрализовать влияние де Колонна, люди, преданные двору, друзья кардинала, сторонники герцога Орлеанского, эмиссары революционных клубов: одни пытаются купить ее молчание, другие, напротив, заплатить за клевету. Все вместе они только сильно напугали ее. Де Ламотт опасается вновь стать жертвой. Она больше не верит ни в чью искренность, ее тревога возрастает с каждым днем, она постоянно чувствует угрозу ареста и новых мучений... И тогда она принимает решение бежать и ради своей безопасности распространяет слух о своей собственной смерти с помощью письма, содержание которого нам стало известно благодаря ее мужу.

В эту эпоху поток эмигрантов был направлен в Россию. Госпожа де Ламотт последовала за этим потоком и с целью предосторожности решила сменить свою фамилию, тем более, что у нее были все основания поверить в смерть мужа.*

Не удовлетворившись тем, что она укрылась в незнакомой стране под новой фамилией, графиня меняет гражданство, чтобы затаиться глубже. Таким образом, растворившись в толпе эмигрантов, она пытается зарабатывать себе на хлеб в Петербурге вплоть до того дня, когда ее покровительница госпожа Бирх непроизвольно выдает ее императору.

Император выслушал графиню и успокоил ее. Но она все же волнуется, находясь во власти старых опасений. Император в России выше всех, и теперь он знает о ней, находящейся в его столице. Она не свободна. На нее давит тяжелым грузом постоянная слезка тайной полиции... Ей остается только бежать все дальше и дальше.

В этот момент в Петербурге стали говорить о Крыме. Он становится как бы российской Италией. Богатые господа мечтают построить там волшебные дворцы, а знаменитая княжна Голицина (Анна Сергеевна) вот-вот отправится туда с баронессой Бергхайм и госпожой Крюденер с целью обосновать там мистическую колонию.

Именно с одним из этих благородных семейств и отправляется в Тавриду графиня де Ламотт. Она становится гувернанткой у княгини Голициной, проживающей в окрестностях Ялты. Впрочем, зимние удовольствия периодически призывают эту аристократку обратно в Петербург, но госпожа де Ламотт остается в Крыму.

Некоторое время она посещает мистический кружок княгини Голициной, затем, поглощенная постоянной мыслью об убежище, она углубляется на восток полуострова в Старый Крым, местность малознакомую, где все дешево и где она уверена в том, что ее не будут сильно

*Неизданные мемуары графа де Ламотт.

беспокоить. И здесь в 1826 году, накануне своего переезда в Судак к своему последнему другу барону Боде, она умирает.

“Еще долго писатели будут говорить о Жанне де Валуа, -- пишет баронесса Мария Боде, -- и никому не придет в голову навестить на забытом церковном кладбище Старого Крыма ее одинокую могилу“.

Я все же решил это сделать и в сопровождении армянского дьякона, много слышавшего об этой могиле, в течение нескольких часов бродил по кладбищу, заросшему овсягом и крапивой. Я встретил много провалившихся старых плит с истертыми следами надписей. Частые дожди и морские ветры из Феодосии, постоянно дующие на этом плоскогорье, полностью уничтожили эти надписи, и только у нескольких плит 1884 года под слоем мха угадывается дата смерти.*

Отсюда я направился к месту, где стояла хижина графини. Сегодня это простой домик, стоящий по ту сторону чудесного оврага. Прекрасный сельский кокетливый домишко, утопающий в своем гнездышке из зелени. Совсем рядом, позади деревьев, ветряная мельница устремила в небо свои неподвижные голые крылья-позвонки. Возле домика стая гусей неприветливо встречает меня, и хозяин, крупный болгарин, явно с неодобрением следит за моим взглядом, пытливо изучающим его владения...

Возвращаясь по склону молчаливого оврага, по дну которого течет речка, орошающая великолепные огороды, я думаю о несчастной изгнаннице, которая вынуждена была скитаться по этим местам, таким далеким от Франции!

Ее бедное сердце должно было страдать от закоренелой злобы и глубоких сожалений. Что касается меня, то я с беспокойством вспоминаю ее слова: “Заблуждения, из-за которых Франция была населена тиранами и рабами, исчезли, умные законодатели создали новые законы, согласующиеся с достоинством человека. Уничтожив столько предрассудков и плодов несправедливости, разве не смогли бы они осветить факелом правды темные, запутанные махинации, погубившие меня?..”**

*Позже Луи де Судак обнаружил могилу де Ламотт. (От переводчика)

**Жизнь Жанны де Сен-Реми де Валуа. Том II, стр. 285